

Десант на Памир — подвиг молодых парашютистов
Репортаж «Прыжок на заре» см. на стр. 22—24

№ 23 ДЕКАБРЬ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

мире все относительно.

Относительны расстояния. Время. Самые очевидные и бесспорные понятия: работа, отдых, نوموفорт, хорошо — плохо, трудно — легко. И романтика тоже не абсолютна.

Мессояль тысячи километров от Москвы до Норильска рейсовый самолет покрывает за пять часов. Те же пять часов нужны поезду, чтобы прошагать из Норильска за сто километров в Дудинку. От Дудинки до Кислого Мыса по прямой расстояние и того меньше, но нитку не поручится за время, которое потребует, чтоб его прошерстили. Повернется вертолет — двадцать минут. С нараваном по Енисею и Большой Хетт — десять часов. Если лететь в погоду и нет речной озари, придется несколько суток загорать в пешеходной командированной гостинице.

Это Заполярье. Со своей системой отсчета времени и расстояний. И если Норильск и Дудинка кажутся несбыточными для обычного «материала», то Кислый Мыс даже для строителей Таймыра — непреодолимая неустроенность быта, непроданная грязь, тяжесть работы и тем упорством, с которым преодолеваются все эти трудности.

Кислый Мыс — новостройка. Отсюда на запад и на восток (и месторождению газа на Мессояль и в Норильске) потянется нитка самого северного в мире газопровода. Кислый — это опорная база монтажных газопровода. Тут их речной порт, склады, здесь будут ремонтные мастерские, гаражи. Отсюда в туфиду поезду плиточные плиты труб, чтобы сварить их в стальной нить, по которой потечет газ.

Кислый Мыс — столица, если можно назвать столицей палаточной-вагончиковой поселок с семью сотнями жителей и трехмесячной биографией.

П. ЛЕОНИДОВ

Фото С. ПЕТРУХИНА

ЗАЗЕМЛЕН

ЗАПОЛ

Но, несмотря на столь короткую биографию, старое имя просится Кислый Мыс — относительно. Им пользуются, дабы подчеркнуть экзотическую суть его. Но официально оно уже — достойная история.

Экзотика экзотичной, а эпоха эпохой, решили строить газопровод. Создали комиссию. Та общала с шаталыми с предложениями некоего имени поселка.

После короткого заседания постановили, отныне поселок называется Фанел. Дудинский райисполком утвердил это имя.

Студенческому строительному отряду Московского физико-технического института повелоз: по разнарядке Центрального штаба студентов маршировали на Кислый Мыс. Правда, оком в Норильске, Снежногорске, на Таймыре, работали еще две тысячи их соратники из разных вузов страны. Но Заполярье — запольное место. Благоустроенный питательный Норильск не сравнится с Кислым, где каждый свой шаг немаленько считает шагом газопровода.

В отряде МЭТИ — 97 человек. (Всего же институт послал этим летом в строительный отряды человек 300.) Начальник отряда Николай Соболев и комиссар Олег Шарбов объясняют: «Молодые — были большие — сунли полторы. Пришлось во время освобождения в номитете московского избирать тех, кто нам наиболее нужен. Отряду требуются не только рабочие руки. Смотрели, увел ли претендент на место петь, танцевать, рисовать. Предпочтение отдавалось и тем, кто был проверен в летних студенческих строительных прошлых лет. Есть и саманники.

Сами Олег и Николай взяли через ценные отряды Стройматериалов дорогу на Урале и фермы в Хантисии. У них опыт, возможность сравнивать, анализировать.

Кто же приехал строить?

Маски и инородные представления на равных. На равных в отряде и студенты с различной степенью материального обеспечения. Так что те же «едут в стройотряды только те, что мундаются в заработок, помисает в воздухе. Заработок, конечно, нужен. Но не в нем суть.

В отряде пять девушек: врач и четыре повара. Больше брать и не стало быт условия труда на стройке не для женщин.

Из 97 человек шестеро не имеют прямого отношения и МЭТИ. Причины, по которым они поехали на край света, разные, но одно, пожалуй, лучше всего показываюто, что возмущает в норитные летние месяцы студенческих строим друзья, рожденная в общем труде.

Люба Воронина, выпускница 3-го Московского медицинского института, в прошлом году была врачом в отряде фтизиатов в Хантисии. Минимин летом могла пойти после института в отпуск и в сентябре присутствовать и работе в Выборге. Вместо отпуска едет добровольно на Таймыр.

Те же причина и у Тани Каваловой, студентки МГИИ имени Ленина. В Хантисии в совхозе, где студенты пионерским лагере, теперь с ними же уехала на Кислый Мыс.

Студенту платого курса «Инженарно-Зарубочную (за рост получения илчичу «Большой» предостовили летом место переводчицы на промышленной выстой. Лучшей практикой не приковать. Но он отказывается: шольный товарищ Олег Шарбов общал взять с собой...

Мне удалось взять интервью у многих членом строительного отряда. Интервью взяли от лица вопроса: «На какие причины привели тебя на Кислый Мыс?»

*Его-то смешал воду пополам с сухой —
получилась Таймырская гундра.*

— *Дашь Кислый Мыс!*

Не свидание...

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
БЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

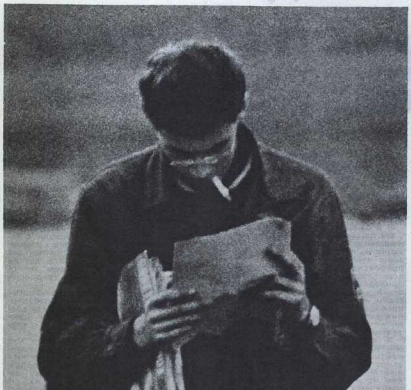
№ 23 [197]

ДЕКАБРЬ 1968

Первый дождь выведен под крышу.

Хоть и поется, что «волны лучше», хлеб на Кислый возят «по старинке»: вертологом.

К чести студентов, они не были ханжам и лицемерами. Конечно, заработок их интересовал. Но, считая одной из причин большинства опрошенных ставили его все-таки на третье место. Первые две ступени «лестницы почета» были отданы желанию самоутвердиться и оставить на земле имя, именем своим, на Мислов Мысе свой след.

Молодость свойственно задумываться над собственным «я». Понять себя порой труднее, чем окружающий мир. И если все познать в сравнении (все тот же закон относительности), то и себя можно измерить только чрезвычайными обстоятельствами. Мне показалось, что именно таким был ход мыслей многих из физтеховцев, которые несколько дней выпрыгнули из своего бродячего «ИИ-5» на топкую почву Мислова.

Тому, кто не бывал в тундре, невозможно объяснить, что такое постоянная сырость и спячка. Тот, кто сам не пытался строить на вечной мерзлоте, никогда не поймет, как тонет в грязи от звенящего комариного облака, тебе не понять, что перенести это вездесущее проклятие тундры труднее всего.

А теперь помните все названное на иррабарку и неурядицу, которые сопровождают кампанию новостройки. Помните еще раз на отделении района, из-за чего срываются самые экстремные поставки. Помните, наконец, на то, что строительство газопровода не имеет до сих пор ни проекта, ни сметы — и станет ясно, что трудностей в борьбе с историей, как выдалось в Москве, будет закаляться характер, тут с избытком.

Тут иное отношение и нехитрый инстинктивный радостик. Транспорты сорвали маховый поворот, и тундра «потопала». Поселок на полметра утонул в грязи, за два дня плывиной настелили дощатый трамвай, и от реки и дальних гагачинцев теперь можно пройтись почти что посуху. Радость.

Подул северный ветер не будет мороза. Радость.

Вертолет привез из Дудинки сразу несколько номеров «Студенческого меридиана», а в магазин снова есть «студенка». Томе радость.

В просторном курбине телоделю «Турист» морочит вечер дневная свена. В курбине, как в мушкетерской помещицы, сыро и тепловатно, Нан в любое курбине из 40 человек, тут темно, не убрано. Ватники, Сапоги, Студенческая зеленая форма, Гитара, Антенна, Рюкзаны, Чехолы, Фотоаппарат, Часы, Кинокамера, Зубные щетки, Баксетбольные мячи. В ставленной бане из-под бакежанной крыши будет жарко.

Черт его знает, нашим образом, но в широкой телоделии ухитрились втиснуть еще один маленький трюк, всю контору строили, буфет, массу, бухгалтерию, радиокабинет, мастерскую художника, силла и прочее и прочее. Поэтому, не сходя с «Туриста», можно дернуть руку на пульсе всей стройки. Быть в курсе всех событий. Одно только нельзя тут делать — отдышать.

Но дневная свена МФТИ отдыхает.

Олег Шабова поет под гитару. Иногда ему подпевают. Иногда просто заушуют.

Настроение у ребят и разговоров и откровений не располагает. Но все-таки у каждого на языке вертится самая большая тема: дела на строях.

— АИ да лингвист!

— Всетам непорядков у нас... — начинает кто-то.

Иной раз научной организации труда, — вдруг вступил Заракочев. — Представляете, тракторы разместили тундру, теперь их пробить ни проехать. Сначала нужно дороги проехать, потом строить.

— АИ да лингвист!

— Сначала дороги, жилье и силлады, — поддразнивает «Большого». — А уж на этой базе строить сам газопровод.

Местные трудности в три недели заставили переосмыслить эти 20-22-летних парней, задуматься над вещами, которые всегда были для них никем и всегда будут донесены от их специальности. Может быть, поэтому несложно назвать и спорительными их рекомендации. (Ведь строи дороги, тоже нужно перепахать тундру. Да и из чего строить?) Но главное, они задумались, почувствовали свою причастность и общегосударственному делу. Стоило труда вернуться к «земным» проблемам их отряда.

— Что самое трудное для вас на стройке? Что вы меньше всего хотели встретить здесь? К чему не были готовы?

Я не успевало более четко сформулировать вопрос. Сменил себя ответов один.

— По прибытии на Мисловый увидели больше всего отсутствие работы. В Москве будили: тут дел неперспективно, приехали бригадиры приходится анюхачивать нарядом большим трудом. Не хватало строительного материала. Простых топоров, пил.

— Поручили нам собрать щитовые дома, — перебивая всех, вступил в разговор необорачив отряда рымбеборный Вячеслав Сахаров. — Мы два дома поставили. Бригада плотников Рязанова — один, а банчанников — Зорзанову наша работа поправились.

Говорит не отключаясь, где собирали студентов, где плотники, где свенки, конечно. Но дело не в этом. В бригаде Рязанова народу меньше, чем в нашей, работающей на домах, и новобранцы их даже больше, чем они. У них опыт, привнесли это так. Но резинчиков, привезли с «материалом» свой инструмент.

У каждого плотника свой подогнанный под руку топор, свои намы и прочее. А у нас, если нужно браво строили, то в очереди, жди, пока отлит товарищ.

Все это еще понять можно: трудности снабженцем, отдаленности. Но больше всего бесит бессмысленность просто глупости некоторых работ. — Это вырывается в разговор Юра Золотой. — Когда мы приехали, на поручили строить из бревен лемную дорогу. Построили. Через день ночью занесло ветром, обломок бревна покатил на сван. Несколькими выгасившими эти бревна из гриж.

Через неделю на концерте худон-

ственной самодеятельности они пока-зали несомненно высокие качества. Мы забывали в этом концерте и пе-рехитри с лампочкой. Обнадеживаясь, в некотором застенчивом государстве заинтересовались, почему это вдруг в Заполярье, в районе Большой Каты, сначала леснурочник зарыл в грязь, а потом его оттуда выкопали. Ис-спроста это, решили в застенчивом государстве, и послали на Таймыр своих лучших шпионов. Только ме-шательство маюра Пронина позво-лило избежать большой беды, ведь так и не узнал секретиста строиня.

Кто-то на великих скалах, что имидж для человеческого организма полезнее любого ватмана.

Но сваяк сваяком, а все-таки отряд прислал работать, а не прощаться. И штаб его привели правылаво орга-низацию труд бригад, а не выступи-вать в роли просветителя и толмача. Кабинет начальница «СМУ-3» Ивана Егоровича Розанова — приюто над трином-общественник студента. Кабинет — это розношная каюта. Это и приемная, и столовая, и зал совещания начальница строиня. Иван Егорович таинчик, велик разме-рами, руины, улыбку. Ему сорок. По-этому, мне кажется, с ним будет пре-оче говорить, потому что молодой ру-ководителю легче понять требования и претензии молодого работника. Да и по характеру он, кажется, относится к тем людям, в которых всю жизнь не страсть авантюризм, а любовь, сто-ящая близкая студенческому своему. Нога и спроси, как он попал на Таймыр, Иван Егорович сказал:

— Спроси не знаю. Я всю жизнь живу в А тут решил осесть. Квартира в Мо-ске, да и детинчик нужно воспитать, хватить на по интересам жить. Но предломили — и я тут. Просто ди-кий случай.

Там вот сидим мы с Розановым друг против друга и пытаемся разобора-ть во всех притяжках, которые име-ют студенты и строиня.

Нет, фактотехники Иван Егорович доволен. — Студенты стремятся работать ко-рошо. Нет у них трудового навыка, и практически они не подготовы, но бе-рется за любую работу. Ван наших да общенития отрождали, а бревен соловью перетаскали. Любую, самую черную работу делают. Они нибто-ва дисциплинированнее строиня. Пригнетили за дело.

— Значит, строиня отрядов до-ловит?

— Безусловно. Были бы все у нас тамные соснашки.

Ну, а студенты не все довольны...

— Они правды... не дает окончить Розанов... Тут всем трудно. Но что не довадаты? Не наша вина, что степью неуряди...

Розанова обвинить просто. Но еще проще его защитить. Потому что этот человек поставлен командовать слож-ными хозяйством, которое тысяча-ми нитей связано с организациями и предпринятиями, разбросанными по всей стране. Там, на «материке», за-частую не понимают особых условий и нужд Ислого Мисса. Нити, связыва-ющие «СМУ-3» с поставщиками, снаб-женцами, субпродирективами, часто рвутся, и результат этого бьет по строиня в первую очередь и по студентам, отряду — во вторую.

Да, это он, Розанов, велел строиня лопачку. Потому что беды дороги в имидже всему транспорту страны.

Да, это он, Иван Егорович, распро-дирис через два дня разоборать ее. Потому что подышка-поставщик гове-ди, и леснурочник застрял гастро на Енисее, а нужны были свая под сва-рочный стеллаж, и общественно. Через два недели приедет все рабочие. Где их селить, если не будет жилья? Из двух зон выборы меньше.

Он не сомневается, что кое-что сту-денты могут сделать не хуже рабоче-профессионалов. Но все-таки отадеся напред, посланные: они быстрее сдела-ют. А темпы сейчас решают все. За-крывают навигация — всем поставкам конец.

Все, что кажется студентам таким сложным и запутанным, для Розанова открыто, потому что он знает, что в конце будущего года должна быть закон-чена первая нитка газопровода, и в Норильске заступит «свечу».

Успейте! — спрашивают.

— Конечно, — не сомневается Иван Егорович.

А я бы замонавлялся. В разгар ра-боты строиня будет понимать 75 тонн горючего в сутки. Все него она просто умирет. А заезды его можно только летней водой. А вот Куйбышевский завод до сих пор не отрулил руном-ных захоток для амностей под го-рочие.

Трубопровод будет нуть на свая. Но все до сих пор не привезли. Сроки, поставленные перед строи-тельством, очень жесткие. А в здании местам 150 дней в году дитрируются из-за погодных условий, работать не-возможно.

Можно было продолжить переписче-ские мероприятия в сложной, неизвет-ной сфере мировой практике алгбрен-ского заезда, которую называли га-мичной. Мессако — Норильск. Но я полнотыю сбиты Ивана Егоровича ок-ными доводам, самим, на мой взгляд, весомым:

— В первую очередь, ни сметы газо-провода, ни сметы строительства, как не строит?

— А он не знает. Он по неметам — берев у государства суду. Потом рас-

считаемся. Прора, Ну не хужие проектировщики знаем, как вести тра-су. Труба — ауд, туда направим, ту-да и пойдет.

Я прочел еще раз написанные вы-сказывания, не полнотыю. Розанов слышишь безумным болду-ном. Ведь он вовсе не болдоном. Он вовсе не хитрит для миди. Он дур-новер. Уверен, что все будет, как нуж-но, хотя объективные условия остав-ляют для такой уверенности мало ос-нований.

И я пытаюсь понять причину. Он пошел в строиня газовой про-мышленности сразу после демобили-зации из флота. И вот уже 18 лет свя-зан с этой непосадной и неурной профессией. Он поработал почти на всех газопроводах страны. Он принимал участие в строительстве газопро-водных станций, нефтяные места и уходил, оставляя за собой по-сылки, непрогрессивные станции, га-зопроводы. Постоянные трудности од-них делало бессмысленным. Его сдела-ли оптимистом. Все в мире относит-ся.

Я вернулся специально и отряду МЭТИ. У студентов нет той жизнен-ной школы, что пришла Розанов. По-этому им труднее. Возможно, что Ис-лый Мисс станет одним из чирпично-в, но тут их складываются их ха-рактеры. Если они приехали испытать себя, то им разлово. А пока, что просто трудно.

И само я подумал, Розанову легче всего сваялись на него «по диплому случаев», или потому самостоятель-ность и свободу инициативы. В труд-ных условиях такая свобода сложно-го сломит. А сильный чувствует себя как рыба в воде. У студентов были трудности и незавидная роль «куча исполнителя».

С какой-то скрытой тоской они освоили времена строиня в сов-хозе.

— Там как! Нет фронта работ, бе-решься грузилом, сваяешь в бригаду в все равно заступит пригрозит. И без дела не сидишь.

Дело не в камне, конечно. Там мож-но было самому обкомговывать ситу-ацию, а это принятие слепого выполне-ния чужих приказов.

И еще. Третий студент силен зримины материальными ценностями, которые создали студенты во время летних ка-мпаний. Что это — школа, обществен-ная, фирма, клуб — не столь уж суще-ственно. Главное, что они от начала до конца создали культуру студенческого отряда. Они ослепли. У Розанова и его ребята в воде. В студенческой приверженности они увидят здесь га-зопровод, а в будущем — руины.

— Фанат, — говорит, ни кто не переучит их работы. Они точно уча-ствуют в создании материальных ценностей. В «их» домах будут жить

будущие строители трассы. По «их» дорожкам пройдут тигрицы, в конце концов и грузы, которые они выгру-дили с барн и вертолетах, тоже не-обходимы, чтобы зажить «свечу».

Но все-таки их труд только часть в уникальном сооружении. И часть не самая заметная.

На Ислый Мисс строитрядовы привели янки воеволенные, баскет-больные, да футболы. Играть не при-шлось: негде. Но намеры пошли в од-ном: ислели дыры в болтолах салогат. Рассказывают об этом с легким юмором. Но, возможно, эти детали остаются в памяти на все время наладрострой условий тундровой строиня.

Напоследок в конторе «СМУ-3» мне сообщили, что с оканьем из Красноар-миски отправлены на Большую Жезу спе-циальные грамоты покорителям Запо-лярья. Говорили, что награды и сту-дентам.

Что же, заслуженно. И вообще что касается признания заслуг, то студен-там можно уравнивать с рабочими «СМУ-3»: ни на равных было предо-ставлено право работать в шлону за-щиты с будучим именем посланца.

Взвешивая и анализируя работу от-ряда МЭТИ, в последний раз пытаюсь се-бя поставить на место студента. Пы-таюсь понять их мысли и чувства. И всякий раз гастро рождается ощущение неудовлетворенности. Ведь не для того создавались строительные от-ряды, чтоб получить ТОЛЬКО сезонные рабочие руины. Имелась в виду еще и фактор моральной. Будущие специа-листы должны были приворить свою способность САМОСТОЯТЕЛЬНО мы-слить, руководить, организовывать, принимать решения, пусть даже сама работа и не имеет прямого отноше-ния к будущей профессии.

Выполнила ли строиня на Ислом Миссе это требование? Она дада все, что могла. Там же, как и студенты, отдали ей все, что были способны. Но одно из серьезных требований осталось все-таки невыполненным.

Причина тут одна. Строиня студен-ческой строительной отряды не успев-ла полностью, посланно на да в са-мое горячее время сто лап дисципли-нированных рабочих рук. О моральных факторах думать просто не было времени. Да и цель у нас инат: да-ть работу газопроводу. Гармоничного ре-шения двух этих задач просто не мог-ло получиться.

Вот тут стоит задуматься сейчас. Потому что будущим летам поведа-ть, сделать, пародовать, переучить, но-вые шурны, проект, одетое в защит-ную форму строитрядовых.

* * *

Белый ключ — твоею селенью,
Мойый край, навеки мне родной,
Ни цветенья яблонь, ни сирени,
Только лес угрюмою стеной,
Стылые березы и осины,
Плкий щелбег и вороний грой,
Из печальных деревень России
Люди шли за счастьем в этот край.
Первые дома срублены быстро
У ключа, что тек меж синих круч,
Воспитанье водное серебряной,
Нарели селенье: Белый ключ,
Жить на новом месте начинали,
Экономя комиды медный грош,
Хуляре деревья кормавак,
Чтоб в тайге зазеленела роза.
Возвращались из тайги в потемки,
Тут уж не до песни и утех...
Я — прихой каскади и потомок
Неизвестных труженников тех,
И всегда, где б ни был, где б ни жил я,
В свойный день

ил при споленьем туч,
В сердце моем бьется чистой ниткой
Тот прозрачный, белый-белый ключ.
Ты прости меня, мое селенье,
Если средь житейской суеты
Я — прихой каскади и потомок
Не сборя я в прежней чистоте,
Только знай, что каждый час и день я
Был с тобой сердцем и строной,
Белый ключ — твоею селенью,
Милый край, навеки дорогой!

Любимой

* * *

На пестрых клувахбх примулю
Росли в соседстве с астрахань.
Мы на закате прибыли
В далекой горной Астрахань.
Стоят арбузы дорогие,
Красуясь:
не хотите ли,
И помидоры с дынями
На солнце —
судинительны
Здесь проступает азия
В дымок ли зтик, в речки ли —
И помят Стеньку Разина
Крутые ставни венны.
И облака над стенами,
Крупа по подобию,
Со всем как струги Стенькины
Плывут куда-то в Персию!

Иван ХАРАБАРОВ

Беспокойство

Какая сила в дань — тайгу крошешную
В ту пору дада моего вела
От домиков под белыми черешнями
Почти что с самых берегов Днистра!
Неурной, куда ли, тому причиною
Иль удалое сердце ашанца —
На пятячке земли тоска-орунчишка
И по простору смертная тоска!
Не все, не все в людской хранится
памяти,
Что привело, никак я не узнал,
Другого дада моего —
по матери —
В далекой александровской централ.
Да, оба жизнь прожили нелего они,
Рисованные звали их пути.
Вот почему такое беспокойство
И бьется сердце его ашанца —
Во мне силосо: и кровь царева узника,
Неведомая боль его и страсть,
Явочный край, удалый, необуданный,
И вечный зов заснеженных пространств!

Блага ДИМИТРОВА

Вьетнамская война

У неба отняли
сущность его:
доброжелательность и
спокойствие.
У земли отняли
сущность ее:
мирно цвести и
плодоносить.
У городов отняли
их сущность:
пестроту и спокойную
светелость.
У дорог отняли
назначение их:
бесконечность и
быстроту.

У ночей и дней отняли
их сущность:
различие между ними.
И только любовь
раскрывает
сущность свою и свою
красоту:
самопожертвование
и мечту.

Над новорожденным

Размалывает буйно кулачками,
взломывая в асфальт, выламывая его
И смотрит удивленными глазами.
Воздушный океан, нахлынув на него,
наполнил нежные, как лепесточки,
Бронхи.
А в небе — реактивным гулом,
еще до того дня, как он увидел свет,
его запрограммировала смерть.
Но дерзко во весь голос человек
своим заенцихи криком
провозгласил, что вопреки всему
он на земле в странный час родился.
И, беззащитный, хрупкий, словно
себелья,

размалывает буйно кулачками,
взломывая, не страшась
разгневанного неба!
Не заплакала я над кусочком
рогожки,
который весь самюю черной
покрылся,
как будто огонь по нему прошил,
Босом
М, след свой оставив, в различных
смырлся.
И не заплакала я над лисьями
школьной тетради, заспанной
пелюмо...

Над черной обутливной пальмой,
лесающей на тотой земле,
как тень, что от пальмы зеленой
осталась, —
над вой я, склонившись, стояла,
и след не слогая я сдерживая совок,
шел слез, что душа впитала... —
о мертвых и о живых!

Джунгли

Ветви, словно узел, связанный
из живых ветвей.
Змея, словно узел из живых
ветвей.
Джунгли,
Ноги заузут, бумают вода...
Намется, отсюда не выйти
никогда.
И земля и небо в зелени
спрыснуты,
и все направления исчезают
в хаосе.
Но ножом обычным молодой
вытпнаец
быстро путь прокладывает
перед нами!

Эхо от ударов
топора

Из глубины глухих
и темных джунглей,
непроходимых
даже и для глаз,
стук топора —
уверенный и бодрый —
донесит это гудное до
нас.
Стучит топор!
И новый день
и новая судьба.
Надевидной населенки
джунгли
люди.

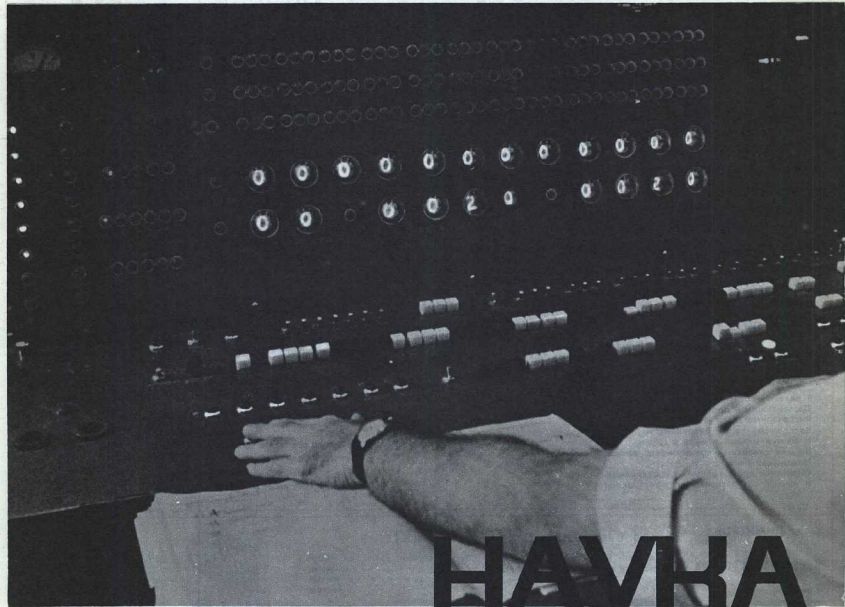
Инструмент

с одной струной
В тишине вечерней
сумарк армелет.
Мы сидим и слушаем,
ушам не веря,
как вьетнамской дрезвиной
инструмент звучит,
Пальцы старика, как
черные сушки,
словно на ветру, дрожат
над ним,
он касается одной-
единственной струны, —
и она звенит...
В ее звученье —
то рывка рассыпается
журчанье,
то возникнет птынее
щелбоньяе,
то чуть приглушенное
рыданье,
то знакомой песни
смыслится напев,
то вдруг всколыхнется
урагана гнев...
Каждый звук струны
усталой

Дороги

Дороги оживают только
ночью,
нагруженные маршом и
тревогой.
Их озаряет месяц
белогорный...
Высокая, со сложной
косою,
уже неделю женщина
идет,
чтоб повзвиздать
мужем-партизаном.
Она ребенка за спиной
несет —
не заботя о нем,
разлучается с малышом
и папа где-то его томе
ждет...
А я куда за ними вслед
иду,
что я среди широт и вдов
найду!
Я вношу в темноте
надежду тополь!
Бессонные дороги адаль
ведут,
они иду,
прошлая марка тень...
Они устрелены
в градущий мирный день!

Интервью
на актуальную
тему

МОЛОДЕЖЬ: КИБЕРНЕТИКА

КИЕВСКИЙ ИНСТИТУТ КИБЕРНЕТИКИ — КРУПНЕЙШИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР, ЗДЕСЬ НЕ ТОЛЬКО РЕШАЮТСЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ — ТЕОРИИ АВТОМАТОВ И МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ, НО И СОЗДАЮТСЯ «УМНЫЕ МАШИНЫ». ИНСТИТУТ ЭТОТ МОЛОД В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ: СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ ЕГО СОТРУДНИКОВ — 27 ЛЕТ.

РУКОВОДИТ ЕГО КОЛЛЕКТИВОМ АКАДЕМИК ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ГЛУШКОВ, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ, ОДИН ИЗ КРУПНЕЙШИХ В МИРЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ КИБЕРНЕТИКИ.

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОПРОСИЛ АКАДЕМИКА ГЛУШКОВА РАССКАЗАТЬ О ТОМ, ПОЧЕМУ МОЛОДЕЖЬ ИГРАЕТ СТОЛЬ БОЛЬШУЮ РОЛЬ В РАЗВИТИИ КИБЕРНЕТИКИ.

Фото В. САЙКА

В. ГЛУШКОВ: Молодую науку всегда делали и будут делать молодые люди — это представляется мне самым естественным и в современной кибернетике, где требуется преодоление традиционных форм организации труда и мышления, где постоянно возникают новые отрасли, привлекающие молодежь. Молодой возраст — преимущество для человека, постигающего себя кибернетикой. Сейчас нередко мы приглашаем ученых из смежных областей знаний, например, математическую. А математики привыкли работать в тишине кабинета, привыкли к одиночеству. В кибернетике без четкой организации, без распределения обязанностей между многими людьми, без коллективного принципа подхода к делу обойтись невозможно. Приход и там, на чашечку вынужден ломать стереотип, и это легче дается молодым людям. Дело еще и в самых категориях

подхода. Когда вы рассматриваете те или иные вещи, у вас несколько складывается канал-то внутренняя, «работает» философия. Например, в естественных науках, таких, как физика или химия, издавна сложился философский постулат, который звучит примерно так: «В конечном счете все в природе просто».

Сами по себе идеи о простоте устройстве мира прогрессивны. Не будь ее, мы несколько веков назад не решились бы от запутанной и все усложнявшейся галломевакской системы мироздания к системе Коперника. Да и в основе механики Эйнштейна, по существу, лежит гораздо более простое вещи, чем у Ньютона. Только обратили их лицом.

В венгрии кибернетикой постулат простоты иногда становится тормозом. Дело в том, что мы начали исследовать системы сложные по своему существу. Однако первоначально

НЕСКОЛЬКО
ИНТЕРВЬЮ
С УЧЕБНЫМИ
ИНСТИТУТАМИ
КИБЕРНЕТИКИ
АКАДЕМИИ
НАУК УССР
О РОЛИ
МОЛОДОГО
УЧЕНОГО
В МОЛОДОЙ НАУКЕ

знаучи их. Символами тех наук, которые исходили из полемизма, что мир устроен просто. Уме довольно мало исследуется, например, мозг его химия, электрофизиология, усложнение рефлексов. Но в комплексе как преобразовать информальни, мозг почти на изучен. Нам сейчас между собой электрофизиологические и химические процессы, происходящие в нем? Вы можете объяснить, как электрический сигнал проходит через синапсы, но не очевидно, но представляете себе, какое это имеет отношение к возмущению условного рефлекса. Могут — примененной системы.

Меню тем в начале истории кибернетики, когда искусственное моделирование мозга привнесло в учение традиционных направлений, они этого объективистства не учитывали. Им казалось, что можно сделать одну маленькую программу и полностью автоматизировать шахматную игру или найти несложную формулу логического вывода. Из которого будет матчи 쉽게 вычитать все остальные. А на самом деле во все представляется значительно более сложным, и от исследования требуются совершенно иные подходы.

То, о чем я говорил, в некотором роде новая философия идей. А такие идеи ученым воспринимаются в равной мере. Молодежь легче воспринимает, как более правильными с научной точки зрения высказывания.

И еще один вопрос. Очень важно, чтобы существовала постоянная обратная связь между молодестью и руководителями, чтобы не было разрыва между ними. В нашем институте роль регулятора такой связи играет Совет молодых исследователей.

Кибернетика — наука об управлении — развивается очень быстро, проникая во все новые и новые области науки. Появляются неизвестные ранее направления, свежие идеи, но возникает некоторая опасность, что руководство институтом может заблудиться в бурном потоке текущей работы, утратить что-то новое, важное.

В роли своеобразного индикатора, фильтрующего идеи и следящего за их развитием, выступает Совет молодых исследователей. Основная его задача — следить за развитием новых идей, академик В. М. Глушук однажды выразил так: иногда бывает даже трудно подобрать, что первый сказал «А».

Сейчас в совете 35 человек. Его председателем избран двадцатидевятилетний кандидат физико-математических наук Филипп Антон. Он член ученого совета института.

Ф. АНТОН. Вы обратили внимание на название? На Совет молодых ученых, а не Совет молодых исследователей. Это несколько шире. Мы не хотим закрывать дорогу и творчеству людям, доступным, но имеющим высшее образование.

В первое время своего существования совет еще не совсем отчетливо представлял, чем именно ему предстоит заниматься, и, естественно, администрация с нами не очень считалась. Сейчас, когда наметилась определенная школа, начинают решаться проблемы научного роста, но эта стадия является непременным этапом работы, и нашему мнению старшие прислушиваются к советским руководителям.

И ученым совет не раз собирался, чтобы обсудить предложения, внесенные Советом молодых исследователей. Мы проводим известную самостоятельность и в то же время пользуемся полной поддержкой администрации при организации наших встреч за «круглым столом», поездом по обмену опытом, конференций, дискуссионных в нашей шахматной работе со школьниками и т. д. Политически нам полностью доверено решение вопроса о приеме в институт. В прошлом году, например, кандидаты, выдвинутые советом, получили премии Ленинского комсомола; Владимир Кухтенко и Виктор Шурба за работу по автоматизации управления технологическим заводом во Львове — всевозможные и замечательные диссертации института; Анатолий Александрович Сторожак за работу по математическому обеспечению вычислительных машин — республиканскую.

Ежегодно мы проводим теоретические конференции, на которых неизменно выступает с докладом Виктор Михайлович Глушук и ведущие ученые института. Для нас это очень важно, мы получаем общую картину развития основных проблем кибернетики, и это помогает нам правильно ориентироваться во всем, куда наиболее целесообразно направлять свои силы. Виктор Михайлович, видимо, создавая институт преувеличил, когда говорил,

что подчас не знает, кто первый сказал «А». Конечно, в тех случаях, когда речь идет о стратегии кибернетики, «А» гораздо чаще говорит он сам и наши видные ученые. Но в решении таких вопросов институт играет несомненно значительную роль.

Сейчас мы расширяем сотрудничество с институтом. Мы собираем сведения по институту, то, какие из его работ необходимо внедрить в практику Очереди и почему внедрение иногда тормозится. Есть у нас такой отдел, есть проработки, дающие возможность обнаруживать новые идеи в записях. Алгоритмическое программирование привлекает заинтересованные в таких устройствах. Мы хотим выяснить, почему это, а не другое.

Виктор Михайлович Павлов, Очереди, доктор наук, 17 молодых исследователей. Естественно, что между нами имеются отношения между поколениями ученых в институте.

В. ПАВЛОВ. Два поколения? Ну, это можно сказать так. Слегка по-иному, говорить много, стараясь не ругать старших и ридящих работами. И не только в институте. Об этом, конечно, не было таких явлений, как зависть, искусственно созданные препятствия. Много специалистов и там, особенно в области программирования и математики. Помните, у Мозеса Фигуры?

Мет быти, и другие машины до сих пор еще не введены в производство. Одна из наших кандидатских функций совета — содействие администрации в подготовке кадров для института.

По числу сотрудников институте вырос с 1967 года примерно в 12 раз. Сейчас на его базе намечено строительство Кибернетического центра Академии наук Украинской ССР. Институту нужны новые специалисты, много новых молодых людей. О том, как решается здесь проблема кадров, рассказывает Виктор Михайлович Глушук.

В. ГЛУШУК. В прошлом году мы выпустили 10 специалистов. Но еще лет 12 назад (нам выдите, с некоторым опозданием) мы являлись печальным примером планирования и вычислительной математики в Киевском университете и курс электронно-вычислительной техники — в Киевском политехническом институте. Для подготовки специалистов

высшей школы слушают курсы лекций по кибернетике 1 000 — 1 200 молодых, а иногда и не очень молодых специалистов.

Обеспечив себе, так сказать, тылы, мы начали доминировать в системе подготовки кибернетиков, мы получили возможность больше уделять внимания качественной стороне дела. Вначале нам необходимо было возмужать, чтобы зарезать молодость своей работой. Тогда студенты, выпускники, а также аспиранты, в период существования института у двух его докторов было всего 30—40 студентов. А в 1967 году в аспирантуре обучалось более 100 человек. Это количественное накопление дало новые качественные скачки. За последние годы учеными подготовлено более 100 докторов, и, как говорится, не только в нашей стране. Институт подготовил ученых высшей квалификации — докторов.

Одни из «новых» докторов — Владимир Павлов, Очереди, доктор наук, 17 молодых исследователей. Естественно, что между нами имеются отношения между поколениями ученых в институте.

В. ПАВЛОВ. Два поколения? Ну, это можно сказать так. Слегка по-иному, говорить много, стараясь не ругать старших и ридящих работами. И не только в институте. Об этом, конечно, не было таких явлений, как зависть, искусственно созданные препятствия. Много специалистов и там, особенно в области программирования и математики. Помните, у Мозеса Фигуры?

Мет быти, и другие машины до сих пор еще не введены в производство. Одна из наших кандидатских функций совета — содействие администрации в подготовке кадров для института.

По числу сотрудников институте вырос с 1967 года примерно в 12 раз. Сейчас на его базе намечено строительство Кибернетического центра Академии наук Украинской ССР. Институту нужны новые специалисты, много новых молодых людей. О том, как решается здесь проблема кадров, рассказывает Виктор Михайлович Глушук.

В. ГЛУШУК. В прошлом году мы выпустили 10 специалистов. Но еще лет 12 назад (нам выдите, с некоторым опозданием) мы являлись печальным примером планирования и вычислительной математики в Киевском университете и курс электронно-вычислительной техники — в Киевском политехническом институте. Для подготовки специалистов

сказано примерно так: «Если у вас много идей, вам не страшно, что их могут присвоить».

Может быть, мне везло, но и до моего появления в институте были и постоянно ощущал дружескую поддержку старших. После окончания института я работал на заводе «Точ. Электроприбор», в лаборатории СКВ, которой руководил Михаил Александрович Огарин. Это по-настоящему добрый человек, человек, созданный душой, который в первую очередь был специалистом, своим творческим духом. Мы работали на заводе и имели возможность видеть, как наши проекты под нашим же руководством внедрялись в производство. Огарин привнес в нашу жизнь и самостоятельность, научил сотрудничать в самостоятельную ситуацию. Умею создать творческое обстоятельство. Умею тогда, когда такое место занимает научная работа. Это, конечно, не мое умение.

Научно-исследовательском институте, где я учился в аспирантуре, руководителем стал Александр Иванович Кухтенко. Он был человеком, очень много времени отдававшим науке, человек, созданный душой, умеющий ставить проблему, и даже в одну, и другую, и третью, и постоянно ощущал дружескую поддержку старших. После окончания института я работал на заводе «Точ. Электроприбор», в лаборатории СКВ, которой руководил Михаил Александрович Огарин. Это по-настоящему добрый человек, человек, созданный душой, который в первую очередь был специалистом, своим творческим духом. Мы работали на заводе и имели возможность видеть, как наши проекты под нашим же руководством внедрялись в производство. Огарин привнес в нашу жизнь и самостоятельность, научил сотрудничать в самостоятельную ситуацию. Умею создать творческое обстоятельство. Умею тогда, когда такое место занимает научная работа. Это, конечно, не мое умение.

Теперь мы сами становимся руководителями отделов и работаем. Два других его ученика, Анатолий Кухтенко и Владимир Кухтенко, в настоящее время будут защищать диссертации по кибернетике. Ученые зримо передают себе один воспитанный человек — Евгений Кухтенко — Егору Кухтенко.

Теперь мы сами становимся руководителями отделов и работаем. Два других его ученика, Анатолий Кухтенко и Владимир Кухтенко, в настоящее время будут защищать диссертации по кибернетике. Ученые зримо передают себе один воспитанный человек — Евгений Кухтенко — Егору Кухтенко.

Владим Павлов сейчас 33 года, в доктор наук он стал два года назад, в аспирантуру он поступил в 1965 году. Но так же исполнился

Рисунок В. КАРАСЕВА

Взобрелся на гранитную хребтину голой, просянканной ветром сопки, долго глядел вокруг и ничего не высмотрел. Спустился, прошел конюшатовой ложкой, залукался в каменной осыпи, долго отыскал боевого.

Наконец увидел своего. Русского, живого. В грязной шинели, с винтовкой, с пузатым сидором на скрученных ламах, с котелком у пояса.

— А остановил его нацеленным наганом, приказал положить оружие, спросил часть.

— Он назвал наш полк.

— Из нового пополнения, товарищ лейтенант,— умоляющим голосом говорил красноармеец.— Всего неделю, как мобилизовали. Из местных я, из станицы на побережье. Нас старшина Савченко из батальона прислал.

— Я поверил лишь тогда, когда красноармеец Шульгин сказал, что старшина первой роты Савченко в трудных случаях поминан не только бога, но и тот гвоздь, на который бог шапку вешает.

— Поступайте под мою команду!

— Слушаюсь, товарищ лейтенант,— облученно сказал Шульгин и вытер пилоткой потное лицо.— Двое суток один по горам шастал, сердце аж в трубочку свисело... Обрадовался, когда вас приметили... Вчера двоих наших у озера нашел. Рядом лежат, видно, одной очередью положили. Кашками прикрыв, чтобы на потопили. Едой вот у нас запаса, сухарники и табаком... Неладно, конечно, у мертвых отнимать, да делать нечего... Сплошали мы, товарищ лейтенант, на первый раз. Ничего, дай срок, все им, гадам, да бирку нарежем.

— Шульгин усеял на камень, достал кисет и предложил мне закурить.

— Некурящий.

— Я рассматривал так неожиданно появившегося подчиненного. Шульгин, большеговозому, с грузными, покатыми плечами, было лет под тридцать. Не безбородым, лишь лысинка светлела глаз, рот приоткрыт в рыжеватой обильной щетине. Цигарку Шульгин держал орсти, прижимая ее большим пальцем с ржимои от табака ногтем. Так привыкли курить те, кому много доводится быть на ветру.

— Берший крючок шинели Шульгин расстегнул, винтовку, как палку, положил поперек колен.

— Будем выходить из окружения,— сказал я.— От немцев мы оторвемся. Теперь надо пробираться к своим. Думаю, идти немного.

— Смотри куда идешь, товарищ лейтенант,— возразил Шульгин, аккуратно приспоровив ошейник и спрятав его за отворот пилотки.— Если к морю пробираться, так километров тридцать, а на Машукскую дорогу совсем близко... Вон за той сопочкой, за горбатенькой...

— Из его слов я понял, что мы находимся километрах в пяти от недостроенных дотов, где бурваллопный бой. Значит, я без толку юркнул сюда.

— Не ушел я от страшного озера Кузсем-Яри, а фронт ушел от меня. — Отпреляйтесь на разведку,— приказал я Шульгину,— установите, где лучше перейти Машукскую дорогу.

— Когда Шульгин угодил, я велел ему оставить вещевой мешок: настоятельность все еще не отпускала меня.

— Шульгин снял мешок и ушел.

— Я проверил его посылку. В мешке лежала пара белья, полотенце, кусок мыла, соль в жестяной баночке и десерт винтовочных обоев.

— Еще там были сухари. Крупные, в ладони, ржанные армейские сухари, от одного вида которых у меня набежала слюна и утробно заурчало в животе.

— Я съел сухарь, затем, не удержавшись, второй и третий, наполнил воды и ощутил долгожданную сытость.

— Шульгин вернулся быстро. Кисть руки у него была окровавлена, на прикладе винтовки белел сколок дерева.

— Докладывайте! — Я opravил разорванную шинель и снова пожалел, что потерял поясной ремню со звездой на пряжке.

— Нечего докладывать, товарищ лейтенант... Охранение на сопках и патрули. Едва ноги унес... Не подойти к дороге.

— Надо было подойти,— жестко сказал я.— Струсил, красноармеец Шульгин!

— Шульгин исподлобья заглянул на меня и недовольно засопел.

— На хрена нам дороге сдалась,— сказал он.— Все равно по ней к своим не доберетесь. Придолопнуг, как комаров.

— Отставить разгоскор! — коротко, как бывало перед строем, оборвал я ненужные разглагольствования.— Дисциплину забывать стали!

— Покуем, может, маленько,— не обращая никакого внимания на строгость моего тона, предложил Шульгин и потянулся к вещевому мешку.— Сухарики на десерт ливадиреум и заморим черничане.

— У меня загорелись уши. Только тут дошел до моего сознания стыдный ужас того, что я сделал в отсутствие Шульгина.

— Рубай, я без тебя подзаправился,— грубовато, чтобы скрыть собственную растерянность, сказал я.

— То-то гляжу — не по-моему звязка сделана... Много умяли! Шестнадцать сухарей было.

— Три,— у меня хватили сил прижаться.— Считайте, что я свою норму на два дня вперед перескочивал... Немного пройду, посмотрю.

— Когда я возвратился к приметной седловине с валуном, торчащим на склоне, как каменный палец, Шульгин переключивал мешок. Лицо его было сумрачным, на лбу шевелилась толстая складка.

— На чужое добро, лейтенант, немного лапы расцелеривать,— сказал он.— Не положено в армии по мышкам шарить.

— Наверное, человека нельзя обидеть сильнее, чем правдой. Кровь туго хлынула мне в лицо.

— Вставай, товарищ боец!

— Шульгин поднялся, соскочило расставив короткие ноги. Шинель его, неряшливо перепопсанная ремнем, комом собралась на животе. В углу рта чадил окурок. Маховорный дым попалал Шульгину в левый глаз. Он прижмурил его, а правый испытал, с нехорошей усмешкой смотрел на меня. Ну, что, мой, дальше?

— Я не знал, что дальше. Я вдруг понял, что беспомощен перед этим человеком в солдатской шинели, неохотно подымавшимся по моей команде. Здесь, на склоне сопки, в тылу у немцев, ему нельзя было дать наряд, оставить без усильной палочки, посадить гауптвахту...

— Я объявлял Шульгину выговор перед строем.

Он обвешал моргуну редкими ресницами, пристроил за спиной вековую меховую шапку.

— Провалюсь ты к лешему, гудя голова, — сказал он мне и пошел вниз по каменной седловине.

— Стой! — крикнул я. — Приказываю остановиться, красноармеец Шулгин!

Шулгин не спеша спулся по склону, обходил алуанч, прыгал по уступкам, перепарал через расселину.

Он ухулял, бросал командиру, уносил винтовку и суахи. Он дезертировал, оставив меня в солдах с тремя партиями в нагале, без продуктов, одного...

Все это вихрем пронеслось в голове. Но тогда я умел только командовать.

— Стой, стрелю! — зоревая я, сунул руку в карман и лаянул рукоятью нага. — Честное слово, выстрелю, я сделаю, привалившись к гранитной стене.

Шулгин не остановился. Он лучше меня знал, что не хватит сил выстрелить в спину. Свою, русскую, чудом встречавшему здесь, где до войны не ступала нога человека.

— Ну и катись! Ну и катись, сволота! Катись! — Я беспомощно и жалко кричал это растерянно «китася», застревшее в голове со времен мальчишеских ссор и одиноких обид, пока Шулгин не сорвался из виду. Неразобранные эхо насмешливо откликнулось мне. Утонул лицо в податливой короте, я сделал, привалившись к гранитной стене, поросшей местными сырчавыми лишаями. Низко плыли сумрачные туманы. Они цеплялись за вершины сосок, оставляя на скалах ключеватый туман. Кричала полярная сова. Громкое наשמеловое киниканье ве прерывалось утругыми, глуговским «рр-рр-рр». Круги блиск о скалы и пропадали в них.

Ствол нагана смотрел с колен мне в лицо круглыми зоравоизиющим зрачком. В барабана латуной слепой желпантой отвалили орешки незарисованных патронах.

Я был пуст. Я был выхали, выхуларил назмизану и прикнутил, как куклу, к каменной стенке на безвестной солке, затерянной в гранитном море.

Появился в эту минуту немцы, у меня бы силкалось сил выстрелить в них, но я не стрелял.

Подняв меня озубо. Промозглая сырость забралась под шинель. В плече, в позвоночнику воткнулись тысячи иголок и обомлели, оставив в теле ледянище острин. Ветер резал глады, иры свистывали суороги. Я поборал лицо по सदворению, по наворому транзитному склону, сам не зная, куда идю. Больше всего мне тогда хотелось, чтобы наступил конец. Любид, черт возьми!..

У подножья сопки, у повороте в ложину, я увидел Шулгина. Он сидел возле куста полярной совы. Видно, его эдак примитивно дымилас комель.

Я подошел, присел на корточки и протер ладонью огонь озлабне руки.

— Засть-то тебе как, лейтенант?

Я поднял голову. Шулгин спокойно смотрел на меня. В глазах его, в самых уголках, я ощутил жалостливую усталость.

— Я левитя, чирчир, Вечный, — и обрадовал, что Шулгин ждал меня. — Славка, значит, — уточнил он и суиуа в костер пригрозил сухих веток. — А меня Матвей... Матвей Эпикрович... А то «засть», «прекратится». С одной стороны, конечно, понятно, а с другой — чего шуметь без толку? Видно, инициатива первой была твоей, а теперь — моя, так повелось... Ничего, остер твою, да и сук зубаст. Не сломили еще нам хребет... Шинель-то сильы, высушить надо, а то ночью до смерти заколешив. Поболбе бы огоньч наладить, да ведь эти паразиты урвать могут. Ничего, пока малымками обжидас. Бегут-то морду задирать нежеле.

Когда я обомлелся, Шулгин дал мне кружку кипятку, четверть суахи, и мы обступили наше положение.

— Машуковскую дорогу можно изловчиться перескочить, — сказал Матвей. — Я сегодня опять к ней приглядывался. Тогда к морю выйдем. Там становище, места обитие. Только ведь наверхия гилтеры их зеполняют. Позариса, а как бы на беду не насочить.

Я предложил уходить на юг. Там стрелбы не слышно, там наверхия можно выбраться к своим.

— На юг! — перекрился Матвей и поскреб ногтем подбородок. — Дак там ведь тундра...

— Ну и что? — возразил я, хотя тундру знал лишь по учебникам географии. На картинках она была плоской, как стол, и представлялась мне, горлоному мальчику, удобной для пешей ходьбы.

— А то, что тундра... И осилить ее, проклятую, с таким запасом... Шулгин тряхнул вешевой мешок. — Двенадцать суахиер на доих...

Я не стал приказывать. Условие неуверенности в голосе Матвея, я стал убавлять его еще ют. Кислотный запах, запах выжженной земли, запах военной тактики, говорил о маневренности войск, о закономерности развития наступательных операций и о прочих безспорных фактах нас истинях. Я вспоминал Шулгину о воинском долге, присяге, о моем командирском звании.

Ладно, — согласился Матвей, — что на север, что на юг, один хрен ведь покрыши. Летом ведь дорты дора, а тундра тоже земля. Лопыр вой по ней не одну тысячу лет ходят.

Он рассчитывался затащить доселок ослоню. — Мы идим на юг километров пятьдесят, а там повернем к Туломе. Может, и впрямь к своим доберемс. Чем черт не балует, когда бог спит, — невесело пошутил он.

Ночь мы провели, забившись в заросли полярных березок, иривая, изумручных веточек, с крохотными зазубренными листочками, пожимким на зеленые гривенники. Было холодно и сыро. Морынка принесла скользкую замочку. Набухшие водой обеды безостановочно сыпали дождь. Мы ворочались без сна и жалели друг к другу, чтобы хоть чуточку согреться...

Ритмично постукивали колеса, плавно покачиваясь вагон с коровой дорожкой в коридоре, с репродукторами и розетками для электробатарей. Предупредительная дедушка-присоска была заведена, послужив, по крайней мере, горячим ножиком.

Горькая ножка. Горькая ножка. Горькая ножка. Студенты-практиканты говорили о сейсморозведке. Они ехали на базу геологической партии, расположившую,

как я понял, в Туломской тундре. Туда же дермали путь две независимых, перпендикулярных друг другу в тесных динках и обтягивающих коточках — ботаники, таксаторы слепых пастбищ.

Я курил и смотрел на тундру. Кочкаватая, рывкая, как линзующий песок, равнина ве была пересечена рогатыми мшистыми высокотравной линией. Вдоль этой линии, как отчетливо видно, тянулись дымки трубы. Это подступала к полотну железной дороги, то убагал от него, тумлился светлосерая ланта шоссе. По тропинке катили на велосипедах и мотоциклах рыбаки со связками удочек, пристроенных к багачинкам.

...Мы шли шестой дивиз. Сопки остались на горизонте. Теперь нас окружала равнина. Плоская, как стол, нигде зацепиться глазу. Она вовсе не походила на городскую площадь, удобную для пешей ходьбы, как мне представлялось по картинкам из учебника географии.

Мы по колени вжали в торфяной грязи, липкой, как клейстер, бурой каше. Рывалые копыта худому ходили под ногом. Сизыми, недобрыми разводами стоялой воды были затнуты болота. На дне их толщес мерилопороны, прозрачные клочковыми янами. В промороной тундровике ручья, оставшихся от недавнего половода, прихотливо баратались в раскисшей глине и на карачках выползали к сухому месту.

Разливающимся озерами, озерами и лужи заставляли петься, делать пастбищно-торфяные обеды.

На тропинки, ни человеческого следа. На ягельниках лежали отмытые дождями черева олени. Острые, как пини, кончиконии сброшенных рогов прядельтисы прядельтис в кочках. Пишали острородами лемминги, потирали лапы в горах, свалили зубы. Простужено лавки пещи...

Занозом завели, отгнем жель комары. Их были миряды. Они плыли за нами, как серый чад. Я по-бабы обвязал голову рубахой, обмотал руки послушными шинельной подкладкой, но спастись, укрыться от этих крохотных вислокрылых комаров не удалось.

Как Матвей след в след. Видел его ступающую спину, покатые плечи, хлястик, державшийся на одной пуговице, вешевой мешок, заляпанный бурой грязью. Видел его раскисшие ботинки, колосопо применяющие мох. При каждом шаге в них чавкало и свозь дыры на гнибы выбрызгивалась вода.

Как Матвей указывал направление, моему уму было непостижимо. Мы кружили, летали, забирался то в одну сторону, то в другую, но упрямо шли на юг.

Последний суахиер был съеден. Мы глотали прошлогоднюю, кислою, как уксус, бруснику, грызли зеленые ягоды морошечки, сосали мох. Несколько раз Матвей пытался подстрелить пещи. Педереваяя затвор, жег обойму за обоймой, но винтовка дрожала в руках, и пещи ухалили от выстрелов.

В животе были сосущая пуста, и соли распухли губы. Порой в глазах нелываля орешневый туман. В нем всплывали и дробились легкие круги. Тогда приходилось останавливаться, чтобы не упасть...

Мощный элентровос голоносто покрывал на поворотах. Рывке солнце заливало светом бескрайнюю тундру, лобастые граниты, выпирающие из-под торфа, блочек озер, светлые, как рубящие глаза. На влозбах, на теплох протопе, в затихшие ветры шевели зарывные махи. Флюгелювые табачки, маньчжурские иривы, маньчжурские россыпи.

Шоссе, прозаवेशе тундру, делавало ровную и уткнулось в железную дорогу. У полостого шлагбаума, помаривающего красными огнями, выстроились машины. Семосая, голубая «Волга», две новеньких «Москвичи», пикаперка с кавартом бетонной стены, зеленый «Запорожец».

— С никелевого на озеро подолиси, на ливинки, — сказал рядом со мной студент-геолог.

— Сейчас зарыуси хорошо берет, самый желтый, — откликнулся его попутчик. — Наши тоже, наверх, на Тулому уйдем. Гошка Шаронов там все места знает... Пушица цветет... Красотища!

Цела пушица. Болье пуховки принудило изуркашивать землю, ожившую после поллярной зимы. Кружево пушицы было просторно кинуту в воде. На моховом ложкем заросли ве были левки, как отставшая поршотка. С первого озера пушица сбывался в плотные кили, подступившие и тундре. Да березого взгляда казалось, что там сели на отдах стан жель после долгого перевале.

Ветер колыбал пушицу белевоными волнами, тормами, прижимал к кочкам.

В справочнике я недавно прочитал, что пушица — это ландшафтное растение болот, род многолетних трав из семейства осоковых, что скотом оно поведает нежотом.

Да впус это ландшафтное растение? Больше вероятно. Крохотные стельби остаются во рту ощущение разжеванного хозяйственного мыла. Лышь из корней и укороченных приростных листьев можно выжать кашлящую гитляную соку, которую человек в состоянии проглотить на пустой желудок.

...Тогда на привахки ялы варили пушицу. Матвей забрал ве охлялки, крохотные кореньки, листья, а Талкин, староста не сдержав, отпустил дымля, разогная нам на радость комаров, собирем на корявые ветки выполодил красные языки панихи.

В котелке пушица густела, становилась скользкой, душно-парной. Девалье отгаращивали пушицу, утисалат вардо, утисалат вардо, как отставшая поршотка, и стратили соль, затухает сосучу. Гасучу, подгариваясь пеллом угольчю, и на выжженной моховине оставас серая, холодная горсть озолек.

Пустота в животе, казалос, засыпала. Голодные стелы перестали выворачивать желудок, и во рту не набегала слюна. Глазья сделались вышощей, костяной, и что-то временами отщипывало, словно туда забрался комар.

Не помню, на которые сутки это случилось. При очередном высле передо мной виднелась земля. Крутая лужа сияла в ослепительном свете. Вспомнил, что в этот день я заблудился в тундре. Затая точка зоравалась, небо стало темным и со скрежетом промрылось на меня.

Очулся я от толчок. Матвей стоял на коленях и торчком шел на меня за плечи.

Альберт ЛИХАНОВ,
Мирослав МУРАЗОВ (фото),
специальные корреспонденты
«Смена»

ДОБРАЯ МУЗА ФЕСТИВАЛЯ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

На студии «Мосфильм» заканчивается съемки советско-французского фильма «Сюжет для небольшого рассказа», в котором принимает участие французская актриса **МАРИНА ВЛАДИ**. С ней беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ.

Вне странное правило давать интервью только в первый день съемки. Оканчивается съемка, она говорит: — На сегодня все. Иду отдыхать. До завтра. А я принимаю, и получается, что на «Мосфильме» опять проточный день, а говорила о деле разве что полчаса. Тут же иду утешение. Разговор мой — это только разговор, зато передо мной прошел весь рабочий день актрисы. Вышел, как она говорила и съехала. Видно слышу. В уютном холле, куда в свободные минуты актеры приходят отдохнуть, я знакомился с ее друзьями, слушал, о чем она с ними говорит. Это иногда помогало интервю, иногда мешало. Но всегда было интересно.

С людьми она быстро переходит на «ты». Для журналиста это удобно. Важное «вы» всегда подчеркивает границы, которые в разговоре нельзя переходить. «Ты» больше располагает к откровенности. И все-таки... Впервые мы увидели ее в фильме «Коллегины». Это было давно. Она упрямительно пошла на созданный образ. По утрам, когда она приходит на студию, мне кажется, что это чуть повзрослевшая героиня фильма. Те же до плеч беленыры волосы. Тот же взгляд. Легкая, скользкая походка. Будто и не минуло 14 лет.

Она крепко понимает руку, говорит — Подожди, сейчас. Я знаю, что сейчас — это битых два часа ожидания, пока искусство истомеров и гримеров не превратит знакомую Колдунину в Лину Мизинову, подругу Антона Чехова, блистательную, пугающую своей красотой.

— Ну так о чем ты будешь спрашивать сегодня? — говорит Лина.

А я, все еще не привыкнув и прерываю, говорю неоплаку: — Марина, очень трудно быть красивой? Это утомляет?

— Да нет, ничего.

Ей почему-то смешно. А я, в душе пролиная ее привычку разговаривать с журналистами только между съемками, внимательно изучаю свой блокнот, оудто нарочно забыл все приготовленные заранее вопросы.

А ведь не забыл. Повину только, готовил я их одному, а задавать приходится совсем другому человеку. Наконец, в голову приходит спонтанное:

— Марина, когда ты впервые снялась в кино?

— Одинадцати лет в «Летней гроз» Ивана Явва.

В стольких фильмах принимала участие?

— Вышедши — «Сюжет для небольшого рассказа» — около четвертый.

И быстро считаю. Выходит: по два с половиной фильма в год. В основном главные роли. Много.

— Разве это много? — не соглашается она. — Другие снимаются гораздо чаще. Ути, что за это время я еще родила трех сыновей, выжила их, играла в театре. И все-таки могла бы сниматься больше, если бы иногда не снималась от родителей.

Почему такой напряженный ритм?

— Это обычный ритм. Автор должен как можно чаще появляться на экране. Иначе его забудут. Если ты не снимаешься, значит, что-то у тебя не получается. И продюсер уже не вернется, бонусы закончатся с тобой контракт. Первый в полгода-год часто снимает нокап на съемку. Постому и торопятся, спешат, соглашаются на самые глупые фильмы, только бы

лишний раз заявить о себе... У вас этого нет. Одна-две удачно сыгранные роли могут прославить актера на всю жизнь. И даже если он не играет 10 или 20 лет, его помнят.

— Но ты только что сама сказала, что иногда отказываешься от роли. Выходит, бывают исключения?

— Я не исключаю. Просто у меня, кроме кино, есть театр. И тому же я завоевала определенную позицию, которая позволяет выбирать. И все-таки, когда очень трудно с деньгами, приходится соглашаться на неинтересные роли, в которых стараешься поскорее забыть...

О чем же еще спросить? О ремиссах? Например, чем метод работы отличается от предпочтительнее.

— Сорюк четыре фильма — это сорюк четыре ремиссы. У нашего свой манера. Свой взгляд на актера. Я не хочу говорить: это лучше, это хуже. Для меня главное — сумела ли я сделать свою роль заметной.

Не известно что-то о нас разговор.

Мыслили она на съёмочной площадке. Она умеет Лина Мизинова. И я ей вопросов не нахожу.

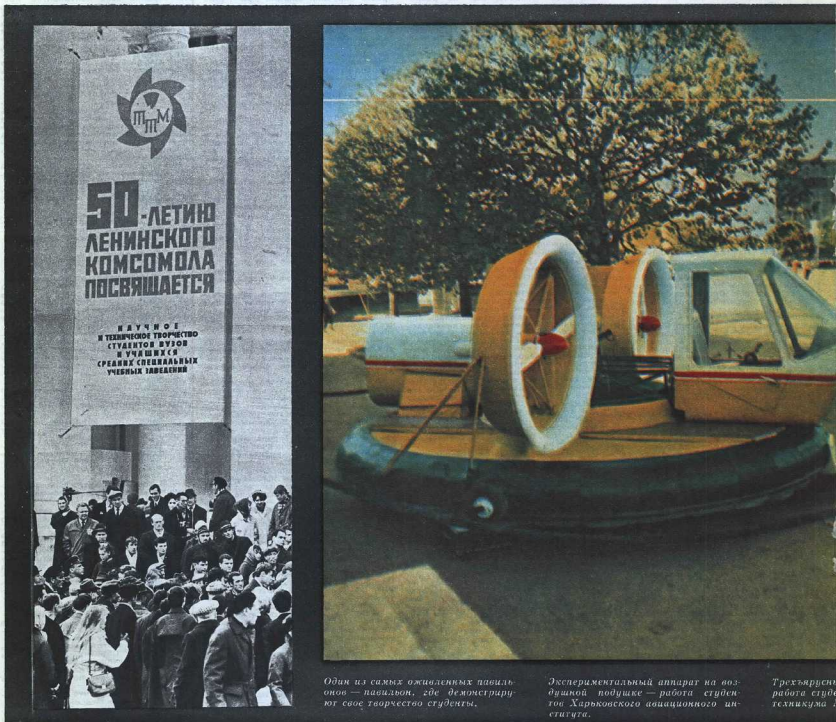
Снова жду целый день. Сигары, как репетировать, кусочек фильма. Как их по несколько раз снимать. Стараясь угадать, понравилась ли сегодня она себе, сумела ли сделать то, что хотела. И все время думаю, о чем спросу вечером. Тогда, уставшая от репетиций и съемок, уже разгневываемая, она закурит сигарету и снова на короткое полчаса ствнет знакомой и простой. Как в «Коллегины».

Когда эти фильмы вышли на экран, девчонки сошли с ума: приписали Марину Влади нашего визита в Москву. Конечно было бы поинтереснее. Но женщинам, так равниво относящимся к чужой красоте, почему они из-

Фото Е. УМНОВА

ФОРУМ: 5 000 000

**50-ЛЕТИЮ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

**НАУЧНОЕ
И ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО
СТУДЕНТОВ ВУЗОВ
И ЧЛЕНОВ
СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДАНИЙ**

Один из самых оживленных павильонов — павильон, где демонстрируют свое творчество студенты.

Экспериментальный аппарат на воздушной подушке — работа студента Харьковского авиационного института.

Трехъярусная работа студента гостиницы.

В. САЖИН
Фото В. САККА

**Заметки о выставке
технического творчества
молодежи,
посвященной 50-летию
ВЛКСМ**

Пять миллионов молодых людей участвовало в этом году в смотре технического творчества. Много это или мало? Напоминим: в прошлом было 2 миллиона. За год число участников увеличилось в два с половиной раза! Может быть, только по подсказке любимой комсомолки? Безусловно, юбилейный год комсомола стал важным, стимулирующим развитие активности молодежи и в этой области. Стремление достойно отметить 50-летие ВЛКСМ, делаясь образцовым Родину направляло деятельность комсомольских организаций по весьма интересному и перспективному пути.

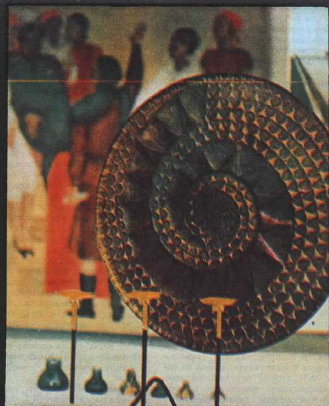
Увлеченность техникой, знаниями, техническим творчеством стала значимым временем. Научно-технический прогресс овладела умми не только молодых ученых и инженеров, но и — что особенно важно — молодых рабочих. Комсомольцы, молодые люди шестидесятых годов испытывают потребность в активной работе технической мысли. И это не только требование экономического разви-

тия общества, но и условие совершенствования личности, самутверждения молодого человека в коллективе, решающем те или иные задачи народного хозяйства.

Впрочем, в нашем обществе это стремление всегда было свойственно молодежи. Еще не кончилась гражданская война, а годные, полуграмотные парни тинулись на рабочие факультеты. И многие из этих людей составили потом ту советскую техническую интеллигенцию, которая решила грандиозную проблему индустриализации страны.

Слово «ударный» мы теперь употребляем применительно к важнейшим стройкам нашей промышленности. Мы говорим: ударные комсомольские стройки. В годы первой пятилетки были ударники и ударный труд. Это означало, что рабочий трудится не только сознательно, но и напряженно, показывая другим образцы производственной дисциплины. Это было чуть ли не все,

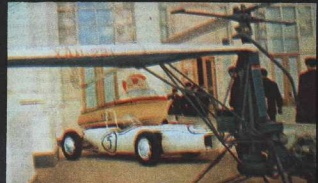
ДУМАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

Современно звучат архаичные традиции в искусстве молодых художников — студентов Кузнецкого техникума прикладного искусства.

«Тривола» — электронная «сиделка», следящая за состоянием сердечных больных.

Одноместный вертолет ХАН-23А с моторчиком на диске, сделанный студентами и аспирантами Московского автомобильного техникума.

Новый гараж — дипломная работа студентов Московского автомобильного техникума.

на что был способен тогдашний рабочий. Но именно этим самым ударным трудом были выдвигнуты первые дома Маргитки, созданы первые трикотажные, построен Днепродзержинск и другие иностранные спецмагистраль (своих почти не было) смотрели и не могли понять этого энтузиазма. Да, энтузиазм был. Его нужно было помножить на инженерную мысль, которая совершила бы качественный скачок, которая поставила бы советскую индустрию в ряд с наиболее развитыми странами.

В кату международного экономического дня 1935 года молодой доцент шахтер Алексей Стаханов поднялся из забоя, добыв угля в 14 раз больше нормы. Вест об этом мгновенно облетела все шахты, заводы, стройки. Пожилая мова стахановского движения. Стаханов не был одиночкой. Он даже не был первым, кто попробовал работать иначе, изменить технологию. Другие пробовали еще до него водить поезд с большой ско-

ростью, обслуживать не 12, а в десять, двадцать раз больше ткацких станков, работать сразу на нескольких фрезерных станках, применять более совершенный инструмент и приспособления, изменяя технологию. Это было началом того процесса, в котором инженерная мысль смогла опережаться на плечи миллионов передовых, думающих рабочих. Но найти такую опору могла лишь мысль инженера совершенно иного типа — советского инженера, который к тому времени стал фигурой достаточно большой, чтобы повести страну по пути к технической революции.

Что значит совершить техническую революцию? В чем это выражается? В создании космических аппаратов, приносящих нам информацию о фантастических далеких просторах Вселенной? В расплывании атомного ядра? В создании новейшей металлургической базы или систем быстродействующих счетно-решающих машин? Ответить утвердительно на эти вопросы означало бы сказать только

об одной половине дела. И, видимо, не главной половине, ибо все это лишь результаты технической революции, ее конкретные проявления. Несравненно важнее другое: на смену ударникам и стахановцам, пионерам советской индустрии, пришла люди не только технически грамотные, но и люди, для которых научное и техническое творчество составляет смысл жизни. Сравнение паренка образца двадцатых годов, вооруженного лопатой и тачкой, с современным его сверстником, управляющим кибернетической машиной, будет далеко не полным. Неполным, ибо мы представляем лишь внешние различия, но не видим работу мысли. А ведь они родственны по духу, эти молодые люди. На разных этапах нашей истории (и, заметим, не так уж далеки по времени эти этапы) они служат одному и тому же делу — созданию нового общества. И путь миллионов их сверстников, участвовавших в минувшем году в смотре технического творчества молодежи, — это и есть то главное про-

авление технической революции, которая совершается в нашей стране.

Всем известно, что Советский Союз вышел на первое место в мире по подготовке инженеров и научных работников. Все это так. Мы даже свыклись с этим фактом. Но называя эти статистические данные, мы упускаем из виду один очень важный момент: мы в данном случае не говорим о людях, чьи способности, чья природная одаренность, смекалка ставят их на уровень инженерно-технического труда, хотя эти люди и не обучены по тем или иным причинам систематическому образованию. Нет, это не простые рабочие. Их принято называть новаторами, рационализаторами, изобретателями. Сколько их работает в нашей промышленности — сказать просто невозможно. Их число не поддается счету по той простой причине, что многое зависит от условий, от предельно допустимых талантов. И если говорить, что на каком-то предприятии мало рационализаторов, — не верьте этому. Значит, там плохо организовано дело, значит, там не созданы условия для работы мысли каждого молодого рабочего, чью сколько-нибудь сложную работу.

И еще раз хочу вернуться к ширмам, с которых начал эти заметки. В прошлом году в смотре технического творчества молодежи участвовало два миллиона человек. В этом году — пять миллионов человек, в следующем году — семь миллионов человек в промышленности. Три миллиона думошниц, творческих юношей и девушек, которые вступили в этом году на путь активной работы, составляли резерв, который всегда существовал. И одна из задач, которую преследовала организация смотров и выставок в городах, областях и, наконец, Всесоюзная выставка, — помочь миллионам молодых людей преодолеть некий психологический барьер, который стоит на пути к техническому творчеству, неверие в свои силы, мешающее превратить знания, опыт в технические разработки. Однако такое неверие нередко мешает и руководителям, от которых зависит создание творческой атмосферы. Для таких людей выставка тоже полезный урок. Полезный в буквальном смысле слова, ибо каждого хозяйственника должен привлечь экономический эффект, который приносит творчество молодых энтузиастов техники.

Конечно, не каждому участнику выставки может так, как московской комсомолке инженеру Валентине Сидоревой. Введение ее работы «Шины для автобусов большой вместимости» позволяет сберечь государству 58 миллионов рублей от применения миллиона шин в год, 22 100 рационализаторских предложений, сделанных юными и девушками Донской области и уже введенных в производство, принесли экономии более 20 миллионов рублей. Экономический эффект только от пяти предложений строителей Нурекской ГЭС со-

ставляет почти 210 тысяч рублей. Эти и другие экономические нурекские рационализаторские средства реально отдают на расширение жилищного и культурного строительства. Даже в далекой Якутии, крае, где промышленность только начинает развиваться, где пространства необоримо велики, мысль молодых новаторов — участников смотра — обещает сберечь государству около двух с половиной миллионов рублей.

Пока не подан экономический эффект от внедрения технических разработок, предложенных в ходе нынешнего смотра. Но рационализаторские предложения молодежи в прошлом году (когда участвовало в смотре всего два миллиона человек) сэкономили народному хозяйству 700 миллионов рублей.

За эти ширмы и рублями скрывается огромный труд, настойчивость, тяжелая работа, бессонные ночи. М. Горький в свое время говорил, что «мы должны научиться понимать жизнь, как творчество». Именно эта к творчеству объединяет молодежь в общественных конструкторских и проектных бюро, бюро экономического анализа, бригады рационализаторов, штабы по внедрению новой техники. Здесь они могут попробовать свои силы, взяться за решение любой технической задачи.

В одном из заповоржских общественных конструкторских бюро спроектировали и построили оригинальный двигатель для автомобиля «Запорожец». Разная мощность 45 лошадиных сил, он очень компактен в размерах, легче выпускаемой ныне серийный двигатель. Известно, что авиационные моторы приходится снимать с самолетов еще в хорошем состоянии: они, как говорят, отработали свой моторесурс. Заповоржские энтузиасты создали первичную электристацию на базе течения, сплансированной на авиации газотурбинного двигателя. Мощность ее — 1 600 киловатт. Работать она может и на природном газе.

Комплексные бригады и общественные творческие объединения получили широкое распространение в институтах и на предприятиях Горьковской области. Молодые конструкторы одной из таких общественных лабораторий передали недавно Горьковскому медицинскому институту прибор для измерения интенсивности административного излучения клеток головного мозга. Для ученых-медиков здесь создана еще одна интересная работа — прибор для измерения сермного и общего промежутка времени реакции человека на звуковые и световые раздражители.

Литейщики знают, какую серьезную проблему представляет закалка крупных металлических отливок, как важно сохранить отливку, чтобы трудная работа не оказалась браком, не появились деформации, трещины, нежелательные структурные изменения в металле. Молодые инженеры

Московского научно-исследовательского института литейного машиностроения и литейной технологии Власова Кузнецов и Анатолий Нагачев создали установку, которая по заданной программе регулирует охлаждение крупных отливок. Эту установку сейчас строят на нескольких заводах, а ее конструкторы уже думают над совершенствованием своего детища.

Если прежде дипломная работа будущего инженера, как правило, носила чисто академический характер, ограничивалась изложением знаний, полученных студентом в институте, то теперь правильно стало решение в дипломном проекте конкретных технических задач. Творческая активность будущих инженеров и научных работников возрастает не только в аудиториях, но и в работе общественных конструкторских бюро (а их в разных вузах страны насчитывается более 250), в научных студенческих обществах.

В работе студенческого научно-технического общества Уральского политехнического института имени Кирова участвует более трех с половиной тысяч студентов, молодых людей, которые уже сейчас готовят себя к самостоятельной творческой деятельности, которые не хотят довольствоваться ролью грамотных исполнителей чужих замыслов. И не удивительно, что из выпущенных в последнее время дипломных проектов 113 приняты к внедрению на заводах.

На выставке представлены работы не только студентов, но и молодых научных сотрудников. Почтиное место среди экспонатов занимает весьма интересная и оригинальная работа сотрудников Московского инженерно-физического института В. Герасимова, Ю. Летунова, А. Пляхоткина и А. Илюхина. Это электронно-вычислительная машина «ГРФ». Она предназначена для планировки промышленности, научных исследований, развития хозяйства. Вряд ли нужно объяснять, насколько сложна и многообразна эта процесс, как много факторов влияет на составление и включение планов, как важно точно знать ход работы огромного производственного механизма, чтобы вовремя вмешаться, внести необходимые поправки.

Уровень современной науки и техники достиг колоссальных высот. То, о чем только мечтать предыдущие поколения комсомольцев, нынешним поколением претворяется в жизнь. «Мы должны гордиться тем, что в нашей науке немало комсомольцев или работников, прошедших школу комсомола», — говорил А. И. Бржезнев, обращаясь к участникам торжественного Пленума ЦК ВЛКСМ. — Молодые научные работники вместе с маститыми учеными активно участвуют в решении важнейших проблем научно-технической революции, вносят в науку творчество дух новаторства, смелого поиска».

Бригды Сергей и Игорь Никширофов — студенты Института инженеров сельскохозяйственного производства — начали свою творческую деятельность на кафедре технологии металлов.

Свое изобретение искусство производства и будущие шефы литейных кузнецов.

Перевод с английского
Э. БОРОВИКА

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Салун Сама на набережной был старомодной забавляющей, которую часто посещали доверы и морны.

Пит Вейнер сидел в последней комнате, откуда он мог наблюдать за вращающейся дельтой салуна. Бутылка шотландского виски стояла перед ним, пельмени были доверху наполнены окурками.

Можу убить, Франсис гребе-то укрался, а прыг-скак-ну остался жить только несколько часов. В этот момент, когда он поворачивался на улицах, его приносили. Он достаточно походил на улицах, его приносили. Бронированный автомобиль проедет мимо него, и он упадет под его колесо.

Неожиданно кто-то подошел к столу, и его правая рука метнулась к пистолету. Он поднял глаза.

Девушка с высоко взбитыми волосами соломенного цвета, в красном свитере и белой бейсболке улыбнулась ему.

— У меня есть уютное местечко как раз за углом, — сказала девушка. Она снова улыбнулась, показав маленькие белые зубы, но он увидел, что глаза ее тверды и расщелины.

— Все же с ней стоит пожить, — подумал он. — Как только он осознает, у нее дома, он сможет настаивать на ее пистолете, но тем не менее...

Ладно, — сказал он, вставая. Пит подошел и встал и заплатил за виски.

Бармен посмотрел на него долго, пристально вставая. В том, как бармен глядел на него, было что-то неловкое. Он быстро пошел по длинному залу с девушкой, цеплявшейся за его руку.

— Ты канитель, нервничая, — сказала она. — Пит ничего не ответил, но когда они вышли по лестнице, внезапно он почувствовал, что кто-то селым и умно ухватился за этот солнечный шрам на набережной.

Он поднялся вслед за ней по ступенькам и прошел в тускло освещенную, неряшливую прихожую. Закрыл входную дверь, он наконец захлопнул с облегчением. Обомшел!

Здесь, — сказала она и повернула ручку двери. — О черт! Дверь горничная опять шлю и заперла мою дверь. Она всегда это делает. Подождала здесь, милая, пока я достану заласпаную ключ. Он в потном вихре.

Пит вынул носовой платок и вытер лицо и шею. Затем нахулял сигарету, зажег ее и отбросил спичку. Он пошел и перешел и посмотрел вниз, в вестибюль, двумя этажами ниже.

Девушка как раз досидела вестибюль. Она подмалывала и посмотрела вверх. Из глаза встретился и Пит почувствовал страх, когда он увидел ее испуганный взгляд. Инстинктивно он пошел, что попал в ловушку.

Его рука метнулась и внутреннему карману пальто, когда он услышал, как щелкнул замок позади. Он повернулся и увидел, как открываются двери в квартиру девушки. Не колеблясь, он выхватил пистолет и выстрелил, целясь чуть правее и выше дверной рамы.

Пит нырнул вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, забираясь на крыльцо и в коридорный коридор, который вел к ступенькам, ведущим в вестибюль.

Девушка, с ухом глядя на него, прижалась к стене. Он подождал и входной двери и остановился, увидев сквозь стеллаж два лючка, соединившихся по ступенькам. Пит сразу узнал их: это были Киффорт и Конфорт, два неинформированных вынужденных Маурера. Он отпрыгнул назад, сердце его сжалось, затем он повернулся и обвелась в коридор, который вел к ступенькам, ведущим в вестибюль. Девушка хотела сорваться на лестнице, но он скватился и повернул лючок.

Видя рукой так, что она прикрывала его, продалась в вестибюль.

Только крикнул, и в ухом тело, — прошептал он.

— Пусты места — задыхался, сказала она, залупившая свою ногу в его ствол пистолета.

— Есть здесь еще выход?

— Нет ступень.

В это время входная дверь распахнулась, и Гетц влетел в вестибюль.

Пит, продолжая пятиться, тащил ее за собой. Он ударил по себе, нахнул ручку поворачивая влево и отпрыгнул. Отпустил девушку, он провалился в вестибюль.

вниз по маленькому дворику, потом, перевернув дверь деревянной забор, прыгнул на землю.

Видя промывающее такси, Пит вместо замаха руками машина свернула и сбросиле и затормозила перед ним.

— В паре, — задыхался, сказал Пит, рванул дверь машины и сел в нее.

Но в это время чаша-то руни скаталась его сзади. Вскрикнув от испуга, он оглянулся. Двое здоровенных полицейских держали его.

— Полегче, — сказал один из них. — Ты-то нам и нулеи.

Неожиданно Пит уголок глаза увидел большой черный автомобиль, который устремился к ним, — Беркеттс! — завопил он, вырвавшись из рук полицейского, бросился вниз лицом на пол машины как раз в тот момент, когда черный автомобиль пронесся мимо. Сидящая шуря уголка движения донесся бешеный стук пулемета. Страх затряслось под ураганом пуль. Пулеметная очередь промчалась по лицу одного из полицейских. Второй полицейский бросился сверху на Пит.

Черный автомобиль пронесся дальше и исчез за углом. Здоровенный полицейский, левшаши в руке, неуклонно погнался за ногой и вытолкнул Пит из машины.

— Ты пробрался и не оставил Питу пробраться через тротуар на крыльцо большого магазина. Он втиснул Питу между двумя зеркальными окнами и встал перед ним с пистолетом в руке.

— Заверни меня внутрь, дурак! — закричал Пит. — Или ты вооружаешься, что стелю останити пули?

— Нет, — ответил он, встав перед ним, полицейский. — Никаких пуль не будет!

Но черной автомобиль уже погнался снова. Люди на улице, увидев его приближение, побежали в магазины, куда укрыться.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Получив сигнал, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Но отпавшая очередь, в полицейского пулемета была уничтожена.

Она не пошевельнулась, пока не услышала, как телоглуя парадная дверь. Она ошарашанно, как леопону и набрала номер Паррайд-ноуба.

— Говорите, пожалуйста, мистера Сейгелга, — сказала она.

III

Луи Сейгелг шел по коридору к своему кабинету с мрачным лицом. Последние три дня он каждую минуту ожидал сообщения Мам Керн о том, что на его арест выдан ордер. Но Мам Керн не звонила, и это заставляло Сейгелга нервничать, словно из равновесия. Вспомнил он и то, что Говошич полностью отстранял его от дела.

Открыл дверь своего кабинета, Сейгелг увидел Головача, сидевшего за его столом.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Иду, — спонимно сказал Головач.

Прошедшие события смесались и на нем. Его сероватое лицо обросло, под глазами появились мешки. Головач понимал, какой опасной была вергалась организация, и его изощренный ум беспрестанно пытался найти логичный выход из его будущего царство. Он решил, что их надо утихомирить, и утихомирить так, чтобы не может сам справиться с ситуацией, и просил оказать помощь.

— Говорила заварил, Сейгелг, усмиряйся в ирсе. Этого влгнута на часы.

— Я должен быть с минуты ты в минуту? Кто это Феррари?

— Витто Феррари, — сказал Головач.

Сейгелг застыл. Его большие руки так крепко сжимали ручку椅子, что побелели суставы.

— В чем дело? Зачем он сюда приезжает? Головач понимал, что Сейгелг был прав, когда его вальские черные глаза блещели, как стеклянные Бусини.

— Я попросил его приехать.

Сейгелг медленно встал.

— Ты с ума сошел? Ты попросил Феррари приехать сюда? Сейчас!

— Кто здесь по-прежнему, может справиться со всей этой заварушкой? — спросил Головач. — Если эти двое станут делать смерительные поздравки на мое имя, с ними все будет нормально. Поэтому их лучше не заставить молчать. Ты уже пробовал связаться с Феррари? А что пробовал, если пробовал?

— Когда я попросил синдиката прислать Феррари, — ответил Сейгелг, — он прислал только одного, который может сделать, обливаясь пересохшими губами. — Ты же знаешь, что он не потерпит, чтобы на его территории был человек синдиката.

— Маурера здесь нет. Если бы он остался, мы бы могли бы попросить его прислать Феррари. Но сейчас мне надо спастись организации. Феррари не согласен, поэтому я должен связаться с ним.

— Феррари! Кто это Феррари? Сейгелг застыл, сердце его сжалось. Головач заставлял холодееть сердца артиста в середине века.

Неожиданно раздался стук в дверь, и Сейгелг встолкнулся с ней.

— Войдите, — сказал Головач.

Поняв, что Сейгелг спрашивает какой-то тип, — сказал он Головачу.

— Там кто-то. Впусти его.

Датч, тямело нервничавшая, прошел через комнату, и Сейгелг увидел его.

— Входите, — сказал он кому-то.

Кот Сейгелг слышал имя Феррари много раз в течение своей преступной карьеры, но никогда его не видел, ни разу не видел даже его фотографии. Феррари был известен ему только по слухам, несладким и опасным.

Имя, мощным, грубым и свирепым. С такой репутацией Феррари не мог быть простым человеком. Сейгелг был уверен, что Феррари спойноше вошел в комнату, Сейгелг был потрясен.

— Это профессиональный убийца оказался почти наизусть своей преступной карьеры, он никогда его не видел, ни разу не видел даже его фотографии.

— Феррари был известен ему только по слухам, несладким и опасным.

Имя, мощным, грубым и свирепым. С такой репутацией Феррари не мог быть простым человеком. Сейгелг был уверен, что Феррари спойноше вошел в комнату, Сейгелг был потрясен.

— Это профессиональный убийца оказался почти наизусть своей преступной карьеры, он никогда его не видел, ни разу не видел даже его фотографии.

— Феррари был известен ему только по слухам, несладким и опасным.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

стали бы разговаривать при первой встрече другие молодые люди.

Это была нелепая встреча. Оба они остро ощущали присутствие охраны, патрулирующей в саду и неслышно наблюдающей за Питом.

— Мне нужно рассказать вам кое-что, — начал Вейнер. — Этого типа, против которого Конрад хочет погнать ваши показания, зовут Маурер. Только помните: все, что я вам говорю, — правда. Не слушайте Конрада и любого из этих полицейских. Они ничего не знают, они только думают, что знают. Они думают, что вы видели Маурера в Тулине. Я не знаю, видели ли вы его там или нет. Одно лишь имеет значение: вы ни за что не должны признаваться, что видели его там. Только тогда у вас останется шанс остаться в живых. Помните: если вы позволите Конраду убедить вас признаться — если вы вообще знаете что-нибудь, — тогда никакая сила на земле не сможет вас спасти.

— По-моему, ваше воображение слишком далеко вас заводит, — сказала Фрэнсис. — Мистер Конрад показал мне, какие меры предосторожности он принял. Никто не сможет даже приблизиться к нам.

Пит ударил себя кулаком по колену.

— Да Маурер может пройти через всю эту охрану, как горячий нож через масло! Я не хотел вам этого говорить, но мне нужно, чтобы вы помнили, с кем столкнулись. Когда я предупредил вас относительно Моу, я нарушил приказ, и Маурер не допустит, чтобы я остался в живых. Если он позволит мне уйти от наказания, тогда и другие начнут нарушать его приказ. Вот почему я рассказал кое-что Конраду. Этим я выиграл хоть немного времени, чтобы он еще подержал меня здесь. Но через некоторое время Маурер достигнет меня.

Фрэнсис вдруг стало нехорошо. Хотя Пит говорил спойной, она видела страх в его глазах. И именно этот страх убоял ее в том, что он говорит правду.

— Когда я уйму, — продолжал Пит, — пожалуста, вспомните, что я вам сказал.

В этот момент Конрад по лужайке направился к ним. Пит резко поднялся и быстро пошел к дому. Трое охранников направилась за ним. Фрэнсис продолжала сидеть, пристально глядя вслед Питу, лишь ее немного побледило, в глазах появились слезы.

— Что случилось, мисс Колеван? — спросил Конрад. — Вы выглядите встревоженной.

— Он не верит, что он здесь в безопасности.

— Я знаю, — Конрад шел рядом с ней и занурив. — Он вообще нервный тип. Но после того, как он проведет здесь несколько недель, он наконец поймет, насколько здесь безопасно. А пока он слишком убежден в том, что Маурер всемогущ. Но вы не беспокойтесь о нем. У него все будет в порядке.

Фрэнсис с благодарностью посмотрела на Конрада. Его спокойный голос придавал ей уверенность.

— Со мной тоже ничего не случится? — Конрад улыбнулся.

— Ну, конечно, но с вами у меня особая проблема. Я подозреваю, что вы видели Маурера в Тулине. Вы здесь одни. Никто не слышит о чем вы разговариваете. Свидетелей нет. Неужели вы не

Продолжение на стр. 25.

ПРЫЖОК НА ВЫСОТЕ

На ночь палатка обледенела и теперь звонко хлопает пологом на ветру. Замерзшие стрипожики не лезут на ноги. Бьют голова, судорожно прыгает сердце, малейшее резкое движение — и мы, как рыбы на берегу, хватаем сильно разреженный воздух, как индикатор — 6 100 над уровнем моря...

Сейчас половина восьмого. Через тридцать минут — кульминация!

Месяц назад к подножию глыба Ленина ядохшим пятьдесят спортсменов Центрального парашютного клуба. Здесь их ждала большая группа альпинистов московского «Буревестника». Под их присмотром парашютисты прошли полный курс альпинизма, акробатизации. Через полчаса тридцать шесть парашютистов прыгнут на площадку рядом с высочайшей вершиной нашей страны — в самом сердце Памира.

Для страховки альпинисты заняли свои места по краям площадки. В центре ее выложили ярко-оранжевый крест. Площадка — всего несколько сот метров. С одной стороны крутой снежно-ледовый склон, огибающий острейшим гребнем. На противоположном конце

отвесный двухкилометровый обрыв — «котловина».

Самолет идет на высоте восемь тысяч метров и, как бы, вот-вот заденет крайнюю за глыбу. Личики прилежательствуют, делают один захват, еще и еще... Прошло полчаса, пристрелочных парашютов асе нет. Видно, штурман замеряет скорость, направление ветра, делает выкладки, проверяет свои расчеты штурманское ли дело — сбросит парашютистов на площадке.

Прошло еще десять минут... Чего же они там медлят!

Я вспоминаю Виктора Датченко, с которым познакомился на аэродроме перед последним тренировочным прыжком. «Нарьеру» парашютиста Виктор начал в четырнадцать лет. Сила шпигатом две простыни, он спрыгнул с третьего этажа своего дома. На следующий год всеми правдами и неправдами записался в парашютную секцию. Своим совершенством Виктор отмечал двухсотым прыжком. Сегодняшний — шестисотым...

— Пристрелка! — не отрываясь от радара, кричит радист.

В воздухе ярко-оранжевая точка. Само-

РЕПОРТАЖ О ТОМ, КАК
СПОРТСМЕНЫ «ОСЕДЛАЛИ»
САМЫЙ ВЫСОКИЙ ПИК
ПАМИРА

Внизу, под облаками. — «Лягачок». В него-то и нужно попасть штурману самолета.

Первые секунды после приземления — самые приятные.

лет в вихре скрывается за гребнем. Сейчас из него наблюдаю результат пристрелил.

Тан и естр! Ветер сносит маневром с стороны, он скрывается в «юкль». Да, начало не обнадороживающее...

...Второй парашют садится на гребень скалы. Третий ложится в центре площадки. — 621-й Я — 616-й. Пристрелила дегга точно в цель! — Бубнит в микрофон радист, потом вдруг сбывает маушини. — Идут на выброску!..

Его слов уже нинто не слышит. Все смотрит на самолет. Двенадцать точек вастриваются над вершинами гор. Оседлительно белый снег, черные, мрачные скалы, и в темно-голубом небе синие, желтые, красные купола! Вот уже первые из них коснулись скалы! Молодец штурман!

Один из парашютистов приваливается рядом с нами. В снаффанде, с ног до головы окутан парашютной снастью: шлем, кислородная маска, очни полностью закрывают лицо. Не обращая внимания на мороз и вдаваясь по колено в снег, улыбается, щурится от нестерпимо яркого солнца. Обмучен, подрадавления!.. Борис Малышев угощает нас яблоками, персинами, яблоками, наметает, еще хранит запахи шумного восточного базара, летя солнца.

А самолет делает новый заход, готовится сбросить оставшихся.

Вечером, сбившись в одну палатку, мы натерпеливо поспрашиваем на радиста. На чоме сиюю треси и широк слышим «Маяк»:

«Бегоди!.. на Памире произведена высадка!.. парашютистов... высоту шесть тысяч метров... Все тридцать шесть спортсменов-парашютистов приземелись благополучно... Подобного еще не было в мировой практике парашютного спорта...»

Итак, установлен мировой рекорд. Трудно переоценить не только его спортивный, но и практическое значение для будущего высокогорных районов.

Первым всегда нелегко, первые всегда идут на поводу ради свершения своей идеи. Именно поэтому так высоко оценил волю, мужество, стойкость и героизм участников комплексной парашютно-альпинистской экспедиции Центральный Комитет ВЛКСМ, занесший лучших из них в Книгу почета Ленинского комсомола.

Терапевт принимает ежедневно.

Жарко, лишь хочется.

Прежде чем прыгать на горы, нужно освоить технику земного восхождения.

Фото автора
и В. ГАТЧИКОВА

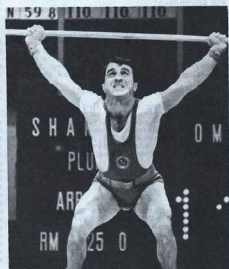
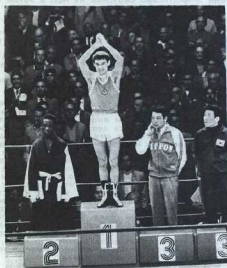
ТЯЖЕЛОЕ

Анатолий ГОЛУБЕВ,
специальный корреспондент
«Смены»
[фото автора]

ЗОЛОТО АЦТЕКОВ

УПРЕЖДЕНИЕ НА ВРЕМЯ

В предолímpийском номере «Смены» был опубликован наш прогноз. Как и всякий прогноз, он был далек от совершенства ума тогда. Тем более несовершенным кажется сегодня, когда каждому издалечиве известны итоги XIX Олимпийских игр в Мехико. И все же имена, названные «Сменой» практически за два месяца до начала игр — именно тогда материал об олимпийских фаворитах сдавался в набор, — оказались действительно в фокусе межсезонных событий. Эти имена делали газетные заголовки. Одни — своими предсказанными победами. Другие — своими неожиданными поражениями. В некоторых случаях на спортивной Олимпиаде проявились новые, неизвестные имена. Но это было естественным. Невозможно предсказать непостижимое. А именно неизвестность, непостижимость стали характерной чертой современной спортивной жизни.

Минута радости и для Валентина Соколова и для всех советских любителей бокса.

Штакетист Шонидзе сделал в борьбе все что мог.

Такой ценой достигалось тяжелое золото ацтеков.

и уделяем основное внимание сплюснотому, идеологическому профильтру, сплюснотому главных героев: Владимира, его отца — Петра Васильевича — и Зинаиду.

На роль Владимира мы утвердили ученика студии Липы Петровой — летного техника Вадима Власова. И надо сказать, ребята в характере Молодого актеру (это его первая роль) большого труда в кино удалось, но наш артист, передавая в характере своего героя отчужденность и непосредственность глубины первого счастья.

Маленькая картина раскрывает не только большой, эмоциональный образ Владимира. Темно ему чувство переживания и Зинаида и его отец. От сценки в сцене она строит критик отдаленные черты своего многогранного характера — доброй, неосознанной и неопытности. То добрая и ласковая, то жесткая и неприветливая, то страст-

ная и порывистая — все эта гамма чувств героини будет раскрыта через ее поступки, зачастую выходящие, как порой илюзорная сама любовь. Гордая, наивная, очень стеснительная, Зинаида, встретив человека, духовно более сильного, чем она сама, — отца Владимира, — уступает его воле. Психологически сложный образ Зинаиды создает артистка Театра имени Вл. Маяковского Ирина Черниркова. Образ Петра Васильевича — исковья работа Иннокентия Смоктуновского.

Роль отца — Смоктуновский, — занимает в картине не спланированно много экранного времени. Тем интереснее было выявить, раскрыть образ сильной, незаурядной личности, показать драку человека, пошедшего на компромисс со своим совестью и долгом и не сумевшего выдержать во обстоятельства, которые сам себе создавал. Новая роль — новое столкнове-

ние с человеческой жизнью, новый поиск. А что для меня очень интересно... Я не случайно пригласил Смоктуновского, — провалился разговор И. Орджоникидзе. Мне помнилось, что инстинктивно чувствую, что мне то совпадает с индивидуальностью героя, который слушает как бы инстинктивно с другим персонажем. Инстинктивно чувствую, что роль Петра Васильевича на экране интересно и значительно.

Фильм будет шестым. И цвет у нас признан нести определенную драматургическую нагрузку. Мы будем снимать наших мастеров кино, создавая актеру свои тридцатые годы прошлого века. Снимаем фильм режиссер Валентин Ивановский, художник-постановщик Евгений — Леонид Пантов.

Беседа вел Ва. БАУЛИН

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

**НА ЭКРАНЕ
«ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»**

Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» привлекла внимание режиссера Василия Орджоникидзе, знакомого нам по интересным и глубоко жанровым лентам о минувшей войне.

«Тургеневский» кинофильм-ассембляж часто можно было встретить на улицах Москвы, где еще сохранились воспоминания о старинных особенностях, в живописных уголках Подмосковья. Во время съемок одного из эпизодов кинокартины мы попросили Василия Сергеевича связать несколько слов о новом фильме.

Вальсать сценарий по тургеневской повести было нелегко, ведь в нем немало авторских отступлений, воспоминаний, да и подвздошья идет от первого лица. Мы же решили сделать обычный по композиции фильм, в котором героя не присутствует.

Издана будущую человека было принято называть куколкой. Сергей Обряков сумел мастерской рукой придать юшке человеческую душу. У такого художника не могло не быть подрайской и просоветской. Попробовали было много. Талантливым продолжателем стал Борис Абдыкин. Он искал во главе театра, чье прошлое интересно и драматично. Сместилось начало на еще тридцатые годы. По инициативе Максима Горького созданы «Театр детской мысли», был осуществлено радостное приветствие Романа Рогова.

Главная задача — провала для народного советской литературы для детей. Дать работу, сделать им познать различные переводов, воспитать многожанровую кино аудиторию. Потом некоторый шаг — театр берет ощущение чужих людей. Идет своего себя. И вот 1962 год. Приходит новый главный режиссер — идет на помощь ассистент Сергей Обряков, Борис Абдыкин. Резко меняется облик театра, усложняется внутренняя задача. Пришла культура индустриальной паромоскопической «Малыш-кинофильм» — поэтическая сказка Абрама Гайндера, переосмыслена для театра Михаилом Светловым. Впервые театр кукол ставит отдельные пьесы Николая Щеголева. Все более органичными становятся мюзиклы — более сложными и более условными. Призываем артиста умного и серьезного, и артистичного. Большая пьеса со своей новой стилистической диалогом новаторской ханжой кукол, драматургии, сценария, вождения актеров.

Далеко неслучайно Абдыкин решает проблема драматургического кино театра, полного философского звучания. Актеры не могут претендовать на примат. Они обеспечивают рыцаря своим куколками. Куклы будут слышать, плакать, бороться и побеждать. А куколками сами обратятся к артистам, чтобы за факт, которые демонстрируют, получить своего героя от своего имени. Простота часто делает зрителю прямо в глаза. Зачем нужны декорации, которые не являются в человеке, его мысли, как в музее новых изобретений? Человека сыграть человека, а куклы куклы, чтобы обмануть его судьбу.

Общью из кинофильма «Первая любовь». Слева — артистка Ирина Черниркова, Вадим — артист Вадим Власов, Петр Васильевич — артист Иннокентий Смоктуновский.

Фото В. МУРАШКО

Куклу судят куклы

Все формы и средства подчинить себя спектаклю: здесь и драматургический поиск актёра в мимике и метод многожанрового театра, где после того, как каждый персонаж по очереди представляет артистам, актёры открывают лица черными масками и отступают назад в темноту, констатируя куклы. Это и маршисты, трюмасты, парчовые и минирующие куклы, театр теней. Уж не просто студия, где неизменными голосами митрированы юную роль. Теперь, играя свою роль, актёр всегда будет говорить обмысленным человеческим голосом.

Театр поставил пьесу «Иваоронок» Ауги. Персонажами старинного итальянского Иордания Жан Ануй сумел потянуть панорамную куклу рассказом о событиях в жизни юной девушки, влюбившей себе на шее спасения Франции. «Франция — это была в этих духах мистика, которая в одной веселой пьесе маленького Иордания, заставшего в небе, в солнечных лучах и мимике, когда в него стреляют. Это глумится, что в ней есть — вот поэтому мы и по почему Жанна названа «Иваоронок».

Взаимоотношения Ауги с историей достаточно остра и парадоксальна. Назв Жанна транзитует драматургии не только суд над человеком, который не имеет права на существование, мимному знаку, линии мимикой, переключая инстинктивно и инстинктивно. «Для того, чтобы сделать акт дальше, нужно сказать, что бы сказать «да» следующему поколению», — писал Ауги.

Это у трагедии — трагедия является актёрами. Куклы придать характер личности. Инстинктивно и судья предостерегает неслучайно выразительными куклами огромной величины. Итан, в спектакле три плана: люди, маски, куклы. Все участву-

Показывает «Иваоронок».

ют в гармоническом единстве. Куклы раскрывают нам о маленькой Жанне, ее радости. Именно в тот момент, когда страсть мимикой и чувства доходят до предела, лицом с куклой появляются живые человеческие глаза, которые развлекательные волосы Жанны, голос артистки Ины Шмельковой приобретает полный грудной звук. И этот спор, в эту борьбу должна вступить мимика человеческого духа, и она вступает. Здесь наглядно звучит проект человека против называемый роли марионетки.

Важную роль играют в спектакле свет и световые эффекты. Яркий луч света всегда сопутствует Жанне. Поособому освещаются куклы, люди и маски. Сцена не бывает освещена целиком: свет направлен в те же части, где нам особенно важно наблюдать за происходящим, хотя диалог актёров может проходить в другом конце сцены.

Маски, мюзиклы порочна этот театр. «Иваоронок» был отмечен дипломом «Театральной мысли 1967 года». В коллективе заняты основные силы — 10 выходящих училища имени Пушкина в УГТЭС.

Наш театр должен быть глубоким, — говорит Борис Абдыкин. — Не только в смысле, но и в смысле, мы стараемся выразить любой формой из арсенала театральных средств. Потому получаем ее заданием несли. Всеми силами мы стараемся, чтобы не было бы, нумен успех, и больше всего, потому мы боимся дедовского успеха».

Забыл ли театр об идее своего рождения? Будет ли ставиться спектакли для детей?

Будет. В программе пьесы Радия Гюльшана «Убий-Бран», Гусейн Фольклов, «Шпальная филька» и «Война с салмаддином» Радия Гюльшана, и снова — поиск новых путей выражения мысли актёра.

Голос московского «Иваоронок» свеж и задорен. Это счастливая жизнь театра в четвертом десятилетии существования.

С. ПАЛТЮКОВА

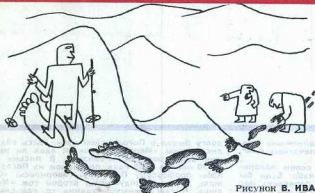

Рисунок В. ИВАНОВА

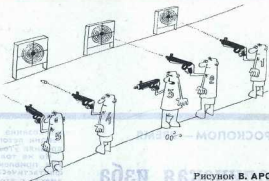

Рисунок В. АРСЕНЬЕВА

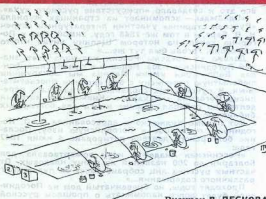

Рисунок В. ПЕСКОВА

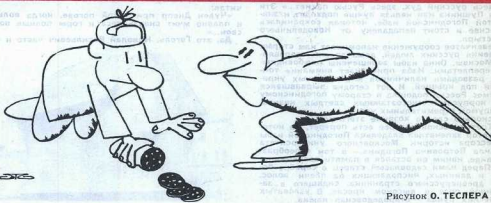

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

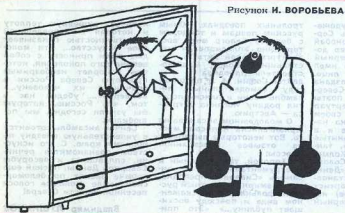

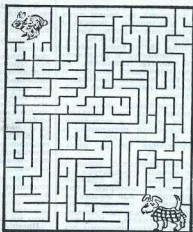
Рисунок Н. ВОРОБЬЕВА

Рисунок А. НЕКРАСОВА

5
НА ДАХ
МЕТЬЕ
НИЕ

1 Каким путем собачка сможет добраться до зайки?

2

На рисунке 12 прямоугольных фигур разной формы. Все эти фигуры можно полностью уложить на прямоугольнике размером 10х6 см. Существует несколько способов размещения этих фигур. Попробуйте найти один из них.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ.
«СМЕНА» № 22

38 треугольников и 66 квадратов
3 14.

Первая страница обложки: Один из моментов воздушного десанта на Памир — благополучное приземление и сигнал «Все в порядке тем, кто прыгнет следом».

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ.

Редакция: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рабичова, Г. В. Семенина, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: 253-30-87; отделе литературы и искусства — 251-32-84; очерка и публицистики — 251-08-51; международной жизни — 253-31-50; физкультуры и спорта — 253-31-50; игры — 253-30-47; науки и техники — 251-04-10; фотоочерка и репортажа — 253-30-97; информации — 253-31-03; оформления — 250-29-30.

Художнико-форматель О. Теслер. Технический редактор Н. Вудина.

Л 00213. Сдано в набор 29/Х 1988 г. Подписано к печати 14/ХИ 1988 г. Формат бумаги 70 x 109 см. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 100 000. Изд. № 2223. Заказ № 3190.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Слова Н. ДОБРОНРАВОВА
Музыка А. ПАХУТОВОЙ

Будет последний бой,
Самый последний бой,
Все свои травмы и все свои радости
Мы увезем с собой...
Выпадет белый снег,
Белый несмысленный снег,
Вспомним когда-нибудь пальмы

В парке Чапултепек... высокие

Пр и в е т:

Вспомним мы горы Мехико,
Мехико,
Мехико,
Вспомним дворцы и площади,
похожие на музей,

Дымное небо Мехико,
Пыльные звезды Мехико,
Трудовые старты Мехико,
Верных своих друзей.

Грустных годов парад,
Всех не собрать награды...
Кто-то другой воспарит с медалями

С новых олимпиад,
Песни на пять минут
В прошлое нас вернут,
Вспоминаний печальные накусты
В сердце тебя колкнут...
П р и в е т.

Полночь чуть слышны,
Трогательно-смешны,
В тихой и снежной республике

Бродят цветные сны... памяти

Выпадет белый снег,
Белый несмысленный снег,
Вспомним с тобою мы пальмы

В парке Чапултепек... высокие

Пр и в е т:

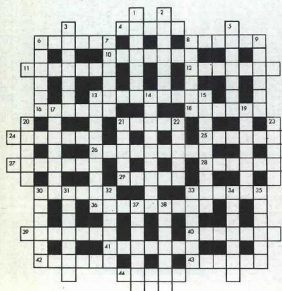
Вспомним мы горы Мехико,
Мехико,
Мехико,
Вспомним дворцы и площади,
похожие на музей,

Дымное небо Мехико,
Пыльные звезды Мехико,
Трудовые старты Мехико,
Верных своих друзей.

Соловьи, не затеживай

К Р О С С В О Р Д

Составил П. КРАВЧЕНКО, г. Киев

По горизонтали:

4. Вид четырехногого искусства.
6. Инструмент для нанесения резьбы в отверстиях.
8. Соревнования на спортивных судах.
10. Быстрый темп в музыке.
11. Струнный инструмент народная Кавказа и Средней Азии.
14. Оптический прибор.
25. Автономная советская республика.
28. Прибор для измерения электрического направления.
27. Оркестровый ударный инструмент.
28. Специалист по сельскому хозяйству.
29. Курорт на побережье Черного моря.
30. Персонаж оперы Д. Верди «Отелло».
33. Картина из цветных стенок.
36. Советская художница.
39. Вид боевого транспорта.
40. Советский мифолог, анданист.
41. Город в Японии.
42. Декоративный кустарник.
43. Остров на Дунае в Венгрии.
44. Многолетнее травянистое растение.

По вертикали:

1. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение».
2. Сумчатое животное.
3. Сооружение для спортивных игр и соревнований.
5. Молодое дерево, выращенное в питомнике.
6. Воинское звание.
7. Советская футбольная команда.
8. Архитектурный стиль.
9. Декоративное дерево.
13. Растение африканских пустынь.
14. Русский драматический актер XIX века.
15. Матрица в юанском полупроводнике.
17. Основатель грани и пирамидной пирамиды.
18. Недвижимое имущество.
19. Бег на коньках.
20. Государство в Азии.
21. Категория гаюла.
22. Площадь для представления в цирке.
23. Консервированный корм.
30. Название серии советских искусственных спутников Земли.
31. Минеральное удобрение.
32. Город в Курской области.
33. Остров между Баренцевым и Норвежским морями.
34. Персонаж оперы Д. Верди «Аида».
35. Балет А. Адана.
37. Город, где находится первая атомная электростанция в СССР.
38. Морской знак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
ПОМЕЩЕННЫ В № 22

По горизонтали:

7. Воробей.
8. «Коммунист».
10. «Носорог».
11. Адонис.
12. Ковалюк.
13. Фурель.
14. Сизиф.
15. Алаев.
18. Ступин.
21. Юпиитер.
24. Ариетис.
25. Нювилла.
28. Саранца.
30. Леонард.
32. Керес.
33. Акутия.
36. Тирад.
37. «Носорог».
38. Оттава.
39. Дривин.
40. Снепшпик.
41. Корейчун.

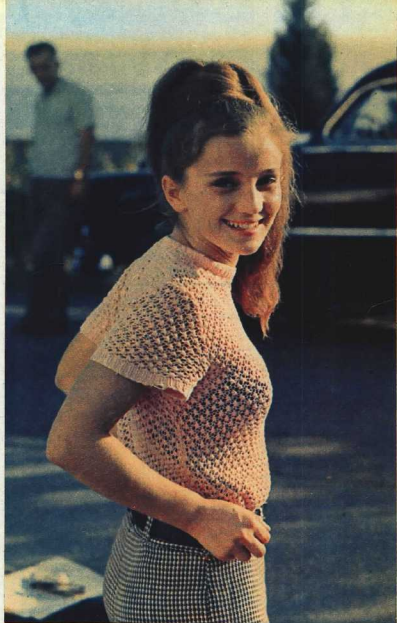
По вертикали:

1. Молодость.
2. Смердиз.
3. Сизифка.
4. Король.
5. Бурлеск.
6. Установка.
9. «Ступин».
19. Нарва.
20. Истри.
25. Пингвины.
31. Деметри.
32. Клячон.
33. Ресец.
34. Саратов.

О Международном фестивале песни
в Сочи читайте на 12—13 стр.

Польская певица Иоланта Барусевич покорила фестиваль...

Лауреат «Смены» — румынская певица Аквелина Северин.

Венгерка Жужи Мари и монгольская певица Гэрэл-од-Наранчийн.

Гадеуш Вожьяк получил приз
«Космопольской правды».

Цена номера 20 коп. Индекс 70820